И. И. Огіенко.

Трусиловское церковное братство

И ЕГО

культурно-просвѣтительная

дѣятельность.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1914.

1117
17

Очерки культурной жизни Старой Малороссіи.

I.

Брусиловское церковное братство.

Мѣстечко Брусиловъ—одно изъ крупнѣйшихъ мѣстечекъ Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи. Первое возникновеніе мѣстечка намъ не извѣстно, но во всякомъ случаѣ оно относится къ глубокой старинѣ. М. А. Максимовичъ сообщаетъ, что Брусиловъ упоминается въ грамотѣ князя Андрея Боголюбскаго, выданной въ 1159 году Печерскому монастырю [1]). На древность возникновенія Брусилова указываетъ, отчасти, одно урочище на сѣверо-западѣ его—это *Батыево*, гдѣ, по преданію, находилось разрушенное татарами во время ихъ нашествій старое поселеніе; теперь тамъ находится нѣсколько древнихъ кургановъ. На древность Брусилова указываетъ и названіе притока, теперь высохшаго, рѣки Здвита—рѣчка Батыевъ, существовавшая еще въ серединѣ XVIII столѣтія.

Но первой достовѣрной датой для Брусилова является 1566 годъ,—именно подъ этимъ годомъ Брусиловъ упоминается въ описаніи границъ Кіевскаго воеводства—Брусиловъ былъ тогда пограничнымъ пунктомъ [2]). Есть дата для Брусилова болѣе ранняя—именно въ 1541 году владѣлица Брусилова, Пелагея Брусиловская, принявъ схиму въ Кіево-Печерской Лаврѣ, заложила Брусиловъ настоятелю Лавры, архимандриту Васьяну за 15 копъ литовскихъ грошей. Заложенный Брусиловъ 3-го апрѣля 1573 года выкупилъ братаничъ Пелагеи схимницы, Яцко Бутовичъ,[3]) считающійся

[1]) Собраніе сочиненій, т. I, 693.

[2]) Архивъ Ю.-Зап. Р., ч. VII, т. II, 364.

[3]) Акты Южной и Западной Россіи, т. I, стр. 194—196

ковныхъ братствъ, періодъ, когда эти братства лишены были активной дѣятельности и главнымъ образомъ занимались дѣлами церковными.

Воскресенская Брусиловская церковь впервые выстроена въ Старомъ Брусиловѣ, очевидно, нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Судя по тому, что въ ней и до сихъ поръ имѣется одна икона 1654 г., можно предполагать, что церковъ эта очень давняя.

Сооружена она древними владѣльцами Брусилова, помѣщиками Бутовичами, сооружена въ старомъ замкѣ Бутовичей и содержалась, очевидно, на ихъ счетъ. Церковь называлась замковой церковью и была усыпальницей рода Бутовичей,—здѣсь похоронены многіе изъ Бутовичей, но гдѣ именно,—слѣдовъ не осталось.

Такъ, у польскаго писателя Іоакима Іерлича[1]), родственника Бутовичей, читаемъ, что въ 1647 г. 22 іюня въ имѣніи своемъ Кочеровѣ скончалась Елена Бутовичъ и „pochowana zostala w cerkwi Brusilowskiey w Zamku Starego Miasta z rodzicami wespól“[2]). А въ 1652 г. 22 февраля умерла въ имѣніи своемъ Костовцахъ родственница Бутовичей, Христина Стрыбелева, а 25 марта „pochowano ciało w Cerkwi Zamkowey Brusilowskiey“[3]).

Въ началѣ XVIII-го столѣтія старая Воскресенская церковь пришла въ большую ветхость, почему и начата была постройкой (возможно, что въ 1711 году) церковь новая, оконченная 21 апрѣля 1738 года.

У насъ нѣтъ никакихъ извѣстій о времени основанія братствъ въ Брусиловѣ—по имѣющимся у насъ документамъ мы знаемъ только заключительную страницу этой исторіи. Знаемъ также достовѣрно, что въ Брусиловѣ при Воскресенской церкви съиздавна было церковное братство[4]). Конечно, братство это было сперва православнымъ и лишь позже, послѣ введенія уніи, стало уніатскимъ, продолжая свою прежнюю дѣятельность.

---

[1]) Latopisiec Ioachma Ierlicza, 2 т. 1853 г.
[2]) Ibidem, т. I, стр. 60.
[3]) Ibidem, т. I, стр. 135.
[4]) Что братство было, на это указываетъ такая запись въ нашей тетради подъ 1772 годомъ: „Dnia s miesia ca Lipca 1772 Roku

Внутренняя жизнь братства по разсматриваемой тетради намъ рисуется такой. Братство находится подъ надзоромъ своего священника (pleban, paroch, komedarz), но и священникъ въ большой зависимости отъ братства: когда пріѣзжаетъ ревизоръ, онъ всегда разспрашиваетъ братчиковъ о поведеніи ихъ настоятеля. Священникомъ Старомѣйскаго Братства въ разсматриваемое время былъ іерей Іосифъ Сушицкій (до 4 іюля 1772 года, что видно изъ старыхъ метрикъ); послѣ него, съ 24 авг. 1772 года,—парохъ Григорій Василевскій, настоятель Брусиловской Вознесенской церкви, очевидно, временно исполнявшій обязанности настоятеля церкви Воскресенской. Дальше въ этой церкви мы находимъ komędarza Якуба Богословскаго,—послѣдняго уніатскаго настоятеля этой церкви, такъ какъ съ 1794 года, со времени уничтоженія въ Брусиловѣ уніи, настоятелемъ Воскресенской церкви былъ назначенъ „священникъ благочестивый“ Игнатій Текуцкій.

Братство для ближайшаго завѣдыванія своими дѣлами избираетъ трехъ лицъ: ктитора, помощника ему, носящаго названіе старшаго брата, и ключника. Выборы происходили въ плебаніи, гдѣ собиралась сходка братчиковъ; на эту сходку могли приглашаться и нѣкоторые изъ прихожанъ, къ братству не принадлежащихъ. На собраніи присутствовалъ, конечно, и священникъ. Послѣ выборовъ составлялся актъ, подписываемый братчиками.

Вотъ образецъ такого акта, записаннаго въ визитаціонной книгѣ подъ 1772 годомъ. „Chwalebney Rady y zalecenia Jasnie Wil. Jmci Pana Czackiego Podczaszego Welk. Koron., by'la schadzka dawnieyszego Bractwa yinnych niektorysk Parochian Staromieyskich w Plebaniy przy obecnosci W. X.

---

podczas wizyty moiey rewizowalem regestra Przychodow Cerkiewnych tak w xiedze przeszley in quarto, jako w ninieyszey Nowo sporzadzoney in Folio“. Запись другая: „Сія книга, бывшая старыхъ братчиковъ, а теперечa по переведеніи всѣхъ сложенныхъ доброхотныхъ денегъ съ новой“... подъ 1799 годамъ.

Iozefa Suszyckiego y tunc kommendarza Cerkwi Swięto-Woskresenskoy Brusi'lawskiey, gdzie wedlug zwyczaiu y trzybu cerkiewnego aby osierociela wyz pomieniona Cerkiew w dalszy czas nie byla w czym bez nalezytych Dozorcow pokrzywdzona owszem aby we wszelkick swoich potrzebach wsparta y opatrzona bydz dostatecznie mogla, tegoz samego czasu, to iest w Roku ninieyszym 1772 aprilis 29 za osobliwsza laska Boska vastçpi'la Elekcya Tytora y innych Spo'lbratczylcow ktorych imiona z wlasnym kazdego przezwiskiem w tey Xięd-zç in peretuam momoriam ordine de nowo specificant". Подъ элекціей подписались: Грицко Турма тытаръ, Макаренко—старшій братъ, Табачниченко—ключникъ, и еще 17 подписей братчиковъ[1]).

Ктиторъ избирался на неопредѣленное время; такъ, Грицко Турма былъ 10 лѣтъ, а Кондратъ Плавинскій—12. Ктиторомъ могъ быть и не крестьянинъ,—такъ, Плавинскій былъ Кіевскимъ дворяниномъ, а въ Брусиловѣ онъ владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ[2]).

Старшій братъ и ключникъ избирались въ помощь ктитору и должны были во всемъ его слушаться; иногда это заносилось въ элекцію; такъ, подъ 1782 годомъ, выбравши ктитора Плавинскаго, братство сдѣлало приписку:

---

[1]) Грицко Турма былъ ктиторомъ много лѣтъ (онъ упоминается еще въ 1770 г.), только въ 1782 г. 19 іюля его смѣнилъ Кіевскій дворянинъ Кондратъ Плавинскій-Крамаренко, мѣстный зажиточный земледѣлецъ, „poniezе Hrycko Turma stary tytor przy starosci swoiey ustaly". 28 марта 1794 года ктиторомъ избранъ Трофимъ Самойличенко, старшимъ братомъ—Моисей Тюрменко и ключникомъ—Коврига; а slawetny Кондратъ Плавинскій уже записанъ: „bywszy Ktytor".—Изъ книги визитъ узнаемъ, что въ 1770 г. былъ еще ктиторъ (очевидно, молодого братства) Іосифъ Бугай.

[2]) Въ старой описи церковнаго имущества Воскресенской церкви читаемъ: ризу подарилъ „Кіевскій дворянинъ Кондратъ Плавинскій"; а тутъ же, въ другомъ мѣстѣ: „гробница подарена опекуномъ надъ имѣніемъ по умершихъ Ѳедорѣ и Кондратѣ Плавинскихъ, Павломъ Добровольскимъ".

Брусиловская замковая Воскресенская церковь.

„A naypierszych Bratczykow, do Ktytora, dla porady uznawszy, postanowilismy by oni zawzdy byli posluszni, y nam Wiadomose do reczoney Cerkwy dawali, lub do rozsycania kanonow posluszniemi byli, s tych wszystkich wyzey napisanych do ktytora избрали еще 6 человѣкъ".

Изъ послѣдней приписки видимъ, что въ помощь ктитору могли избирать нѣсколько душъ, а не только двухъ, какъ обыковенно бывало.

Все дѣлопроизводство братства велось на польскомъ языкѣ, но послѣ 24 сентября 1794 года, со времени второго раздѣла Польши, оно ведется на языкѣ русскомъ, точнѣе—малорусскомъ.

У братства былъ денежный фондъ, правда, не большой. Такъ, на 1772 г. было денегъ церковныхъ и братства 16 руб. 2 гривны.

Деньгамъ своимъ и церковнымъ, которыми оно завѣдывало, братство вело точную и подробную запись, для чего иногда сходилось на собраніе въ плебанію [1]).

Источники прихода братскаго фонда — самые разнообразные. Одной изъ доходнѣйшихъ статей у братства была Carbona, или Krzynka Braterska,—изъ нея всегда вынимали порядочную сумму, правда, преимущественно мелкими монетами, денежками,—такъ какъ это были доброхотныя даянія братчиковъ и прихожанъ.

Дальше заслуживаетъ вниманія такъ называемый *канонъ*, т. е. вареніе (сыченіе) братствомъ меда. Именно, въ день храмового праздника, а то и въ другіе дни, особенно на Рождество Хр. [2]), братство сычило медъ и продавало

---

[1]) Въ „Визитной книгѣ" сверху на листѣ 5 заглавіе: Regestr przychodow Cerkiewnych roznych dla lepczey wiadomosci za powtornym Bractwa zeysciem spisany w Plebanij Staromieyskiey Roku 1772 junij 5.— Въ другомъ мѣстѣ заголовокъ: Specyfikacya roznych Expensow zpienicdzy Cerkiewnybh, ktoremi zawiaduje Bractwo Staromieystkie Brusilowskie, zanotowana w Roku ninieyszym 1772 junij 5.

[2]) Na kanon maiecy sie robic na Boze NarodzenieRoku 1774 wydalem 40 rubli.

его всѣмъ желающимъ. Вареніе меду при Воскресенской церкви было обычнымъ и прибыльнымъ [1]) дѣломъ—въ книгѣ приходо-расходной часто попадаются расходы на этотъ предметъ [2]), иногда довольно крупные,—такъ въ 1774 году за медъ для конона уплатили 40 р. Обыкновенно передъ публичной продажей меду устраивался еще братскій обѣдъ, на что также встрѣчаются указанія въ нашей тетради [3]). Весьма часто медъ свой братство давало въ долгъ, составляя особые канунные реестры и потомъ занималось сборомъ этихъ долговъ [4]).

Относительно варенія меда одна изъ Брусиловскихъ старожилокъ разсказала слѣдующее. Медъ варили въ Вознесенскомъ приходѣ ежегодно, чаще всего на Рождество, изрѣдка на Пасху. Были случаи, когда медъ варили дважды въ годъ, но это было рѣдко. Варили медъ всегда возлѣ церкви: собирались люди, вкапывали въ землю большой котелъ, подъ нимъ дѣлали родъ печки и начинали варку. Вареніе продолжалось дня три; дѣломъ было занято днемъ и ночью человѣкъ 10, при чемъ эти люди мѣнялись, постоянно приходили новые и смѣняли старыхъ. Когда медъ былъ готовъ, его разливали въ бочки и ставили въ школу (въ школѣ уже занятій не было).

---

[1]) „За медъ прѣсніи взяли бариша 3 р.“. 1797 г., мартъ. „Изъ разсиченаго меда взято бариша 26 р. 5 гр.“, 1799 г. „Взято бариша за медъ 29 р.“, 1800 г., дек. 28. Z kanonu z Bractwem Mlodym spulnie robionego uszynkowanych 176 p. 21 грошъ, 1787 г. 4 февраля.

[2]) Wydali Aredarowi za gorzalke na kanon wzietey spust 5 rub., 1774 г. Wydali na miod krzasny dla kanonu 5 rub. 5 grzywn. 3 к., 1782 г.

[3]) Wydali za gorzalku Arendarom pod cras Kanonu na obiad 3 р., 1780 г. 11 января.

[4]) См. въ Ksiazk'ѣ записи: Выправлено изъ Лазаровскихъ канунныхъ регистровъ 6 р. 84 к. (1809 г. февр. 22); выправлено изъ Брусиловскихъ канунныхъ регистровъ 21 р. 50 к. (1809 г. 30 марта) и т. п. Канунныя записи встрѣчаются ежегодно.

Въ день праздника священникъ правилъ молебенъ, освящалъ медъ и первый его пробовалъ. Послѣ этого медъ продавали всѣмъ желающимъ особенно избранные для этого два человѣка.

Пили медъ нѣсколько дней—два-три дня, иногда больше. Въ послѣдній день устраивали рахту,—бабы въ складчину сносили къ церкви закуску, покупали водку и угощались.

Если и послѣ этого оставался еще невыпитый медъ, то его дѣлили между домохозяевами, чаще всего въ долгъ.

Неоднократно въ церковь дарится, вмѣстѣ съ воскомъ, и медъ.

Въ ярмарочные дни братство посылало сборщика съ иконой — прошака, собиравшаго добровольныя подаянія [1]). Этимъ сборомъ занимались преимущественно призрѣваемые въ братскомъ шпиталѣ. А въ праздникъ Рождества на братство собирали колядники [2]).

Упоминаются еще „старечія деньги“ [3]).

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе постоянныхъ приходовъ, братская казна пополнялась и случайными доходами, весьма разнообразными: братчики продаютъ подаренное въ церковь монисто [4]), жито (1799 г.), а то еще odebrali z przedania Xiegi cerkewne tryhodi r. 1774, staro moneto, 4 rubli. Продавали имѣвшуюся при братствѣ и церкви вод-

---

[1]) Odebrali od proszakow chodzonçych z obrazem pod cras iarmarku na s. Jerzego, 1781 г. 23 апрѣля, 6 гривенъ. Odebrali od proszakow pod cras jarmarku w Niebo wzsz escia Matki Boskiey 2 rub. 6 gr., 1782 г. 15 авг. Odebrali od proszakow pud cras s. Piotra 4 rub. 1784 г. Na sw. Onutryi 4 rub. 1785 г. Далъ дѣдъ прошакъ 2 р., 1801 годъ.

[2]) Odebrali Koladnych pieniedzy 5 griwn, 24 марта 1773 г. Пришло колядныхъ 1 руб. 50 к., 1801 г. мая 15. Колядныя деньги собираютъ на церковь и до настоящаго времяѣ—парубки и дѣвушки.

[3]) Старечихъ денегъ отъ Стефана старця 3 р., 1796 г. февраль. Старечихъ рублей мѣдною монетою семь, а сребнихъ — 2½ 1796 г., ноябрь.

[4]) См. годы 1779, 1794 и 1796.

ку [1]) и т. п. [2]). Очень часто, особенно въ нѣкоторые годы, прихожане даютъ обѣтницы [3]).

Часто въ братство и въ церковь жертвуютъ воскъ, который братство и само готовило изъ меда, въ обиліи жертвуемаго ему. Иногда воску было больше, чѣмъ требовали свои нужды, и излишекъ продавался [4]). Иногда изъ окапинъ свѣчныхъ дѣлали свѣчи и пускали въ продажу [5]).

На братчикахъ съ теченіемъ времени образовывается долгъ, который братство всегда съ усердіемъ собираетъ [6]). За долги братство получало проценты, но сколько — въ точности неизвѣстно; судя по большимъ процентамъ отъ одного лица, можно предположить, что братство давало деньги на проценты [7]). Иногда церковный долгъ уплачивается братству воскомъ [8]).

Таковы приходы нашего братства. На что-же братство эти деньги расходовало? Чѣмъ занималось оно и каковы были его цѣли и задачи?

---

[1]) Odebralem do Rek swych za gorzalkie pozostale... od ludziey branych 1 rub. 1 grw. 5 кор., 1773 г. янв. 5. Za gorzalke rozebrane... od ludziey 1 rub. 8 griwn., 1774 г.

[2]) Напр. Z odebraney Rokowszczyzny kaplanskiey za Rok 1780 3 rub. 5 griwn., 1782. Степанъ Кучеренко яблочникъ далъ за сипаніе яблокъ въ погребъ 35 злотыхъ, 1795 г. Петро Кругликъ зъ богословя далъ до церкви рублей старихъ 2; 1796 г. февр. 18. Стефанъ Кучеренко за лохъ далъ денегъ 7 р., 1796 г.

[3]) Въ 1782 г. многіе даютъ обѣтницу на дзвонъ; также особенно часто даютъ обѣтницу въ 1786 и въ 1787 гг.

[4]) Przedali wosku cerkiewnego 23 rub. 5 griwn, 1780 г.

[5]) Za przedane swiece w cerkwi ludziem, z okapin robione za rubli 5; 1774 г.

[6]) Odebrali dawnego dluga od Wasyla Boyka 2 rubli, 1774 г.

[7]) Отъ Мацѣя Яблочнина взято проценту 7 р., 1800 г. Пришло проценту за деньги 6 руб., 1801 г. Взято проценту отъ Никифора Крамаренка 5 р., 1803 г.

[8]) Одъ Макара Пархоменка одобрали воску за довгъ Церковній 20 гривнъ, 1795 г.

Какъ и вездѣ, у Воскресенскаго братства три главныхъ предмета его заботъ: храмъ, школа и шпиталь.

Какъ и въ другихъ мѣстахъ, главной задачей Воскресенскаго братства разсматриваемаго времени, т. е. поры его упадка и конца, было содержаніе въ приличномъ видѣ своей церкви, ozdoba cerkiewna: братство завѣдываетъ церковью, но уже патроната надъ ней не имѣетъ,—право патроната перешло къ помѣщику. Въ расходѣ много статей по приведенію въ порядокъ своего храма: плата кузнецамъ за окованіе звона, за окованіе креста [1]), плата малярамъ, расходъ на gorzalkie maystrom za zniesienie krzyza (8 коп., 1777 года, май), на медъ, на ладанъ, на вино, и т. п. расходы. Въ 1798 г. пріобрѣтается новый антиминсъ, за который уплачивается 5 злотыхъ, а въ слѣдующемъ году посвящается престолъ, на что уходитъ 2 руб. и 3 гроша, да еще дьячкамъ при этомъ выдали 2 гроша.

Въ 1775 году, съ іюня, братство начало постройку новой колокольни [2]), такъ какъ старая пришла въ ветхость; колокольню разобрали и негодное дерево продали [3]). Мастерамъ платятъ и деньгами [4]) и провизіей: даютъ рожь, рыбу, соль. Два года строили колокольню, и наконецъ въ маѣ 1777 г. былъ возведенъ крестъ [5]).

Въ случаяхъ, когда требовались значительные расходы, на помощь братству и церкви приходятъ всѣ прихожа-

---

[1]) Уплочено за окову дзвона и за *колотки до клепала* ковалеви 7 гривенъ 5 коп., 1796 г. 20 марта. Za okowanie 5 коп., 1773 г.

[2]) Мастерамъ при закладкѣ выдали 1 рубль, да za gorzälke dla ludziey 3 гривны.

[3]) Za drzewo starey zwonicy wzieli od szpytalnich 1 rubl. Od Petryczenka za tez drzewo wzieli 3 гривны, 1781 г. См. еще 1775 г.: za wydane drzewo.

[4]) За работу имъ разновременно уплочено 31 руб. 37 гривенъ 7 коп.

[5]) Wydal za postawienie kzryza na Dzwonicie 5 kopieyok, май 1777 года.

не добровольными жертвами; такъ было, напр., при постройкѣ колокольни; такъ поступаютъ при покупкѣ колоколовъ, на церковную утварь, на оправу Евангелія [1]) и т. п., жертвуютъ разными суммами—по 5 коп., по 2 к. и до рубля, и всѣ даянія заносятся въ книгу. Въ 1787 многіе жертвуютъ „на бляху", жертвуютъ даже съ окрестностей. Иногда въ церковныхъ работахъ прихожане помогаютъ „толокой" [2]).

Таковы заботы братства по церкви. Что касается дѣятельности братчиковъ внѣ церкви, то здѣсь прежде всего надо упомянуть о школѣ: братство содержало школу и пеклось о ней [3]). Школа братская осталась въ Брусиловѣ и послѣ прекращенія братства и существовала подъ именемъ церковной Воскресенской школы до конца 60-хъ годовъ, когда была вытѣснена, послѣ упорной борьбы, школой народной министерской [4]).

Второй важной заботой братства былъ *шпиталь*,—богадѣльня для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ, который существовалъ въ Брусиловѣ съ давняго времени. Въ 1781 году братство начало постройку новаго шпиталя, состоявшаго изъ двухъ избъ съ сѣнями. Шпиталь этотъ остался и послѣ прекращенія дѣятельности братства и существуетъ въ Брусиловѣ до настоящаго времени [5]).

Наконецъ, братство помогало и деньгами, давая ихъ въ долгъ за извѣстные проценты.

На обязанности братства лежало еще наблюденіе за такъ называемымъ *молодымъ братствомъ*, полный титулъ

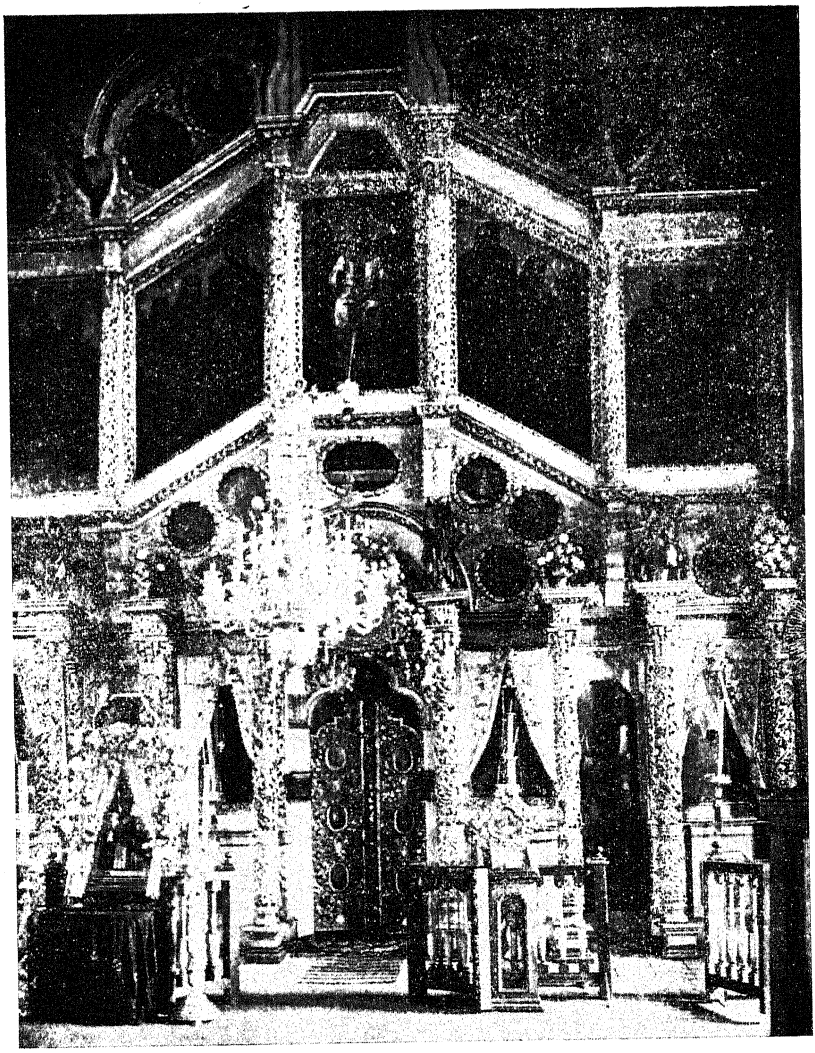
[1]) См. подъ 1779 г.—na oprawenie Ewanieliy.

[2]) Ludziom do podwozenia cerkwi dalo sie na gorzalke 6 руб. 10 гр., 1784 года.

[3]) Въ 1795 г. за окна до школи видали 9 гривн. Школа упоминается и въ 1800 году—ее ремонтировали.

[4]) О первыхъ порахъ брусиловской народной школы и о борьбѣ ея со школой церковной въ архивѣ Воскресенской церкви имѣется интересный матеріалъ, который и печатается нами ниже.

[5]) Исторію этого шпиталя мы даемъ ниже въ отдѣльномъ очеркѣ.

Старый иконостасъ Брусиловской Воскресенской церкви.

котораго такой: „Честное Брусиловское св. Воскресенской церкви молодецкое братство". Именно, по образцу братства стараго, т. е. состоящаго изъ взрослыхъ, при брусиловской Воскресенской церкви было основано[1]) братство изъ несовершеннолѣтнихъ, изъ дѣтей школьнаго возраста,—дабы и они пріучались къ нравственности и добродѣтели. Послѣдній отдѣлъ въ нашей тетради озаглавленъ: „Книга расходовъ братчиковъ молодыхъ церкви Воскресенской брусиловской".

Братство молодое имѣло своего отдѣльнаго ктитора въ 1783—1792—1796 г. упоминается ктиторомъ молодецкимъ Стефанъ или Стецько Бугаенко), завѣдывавшаго молодецкой кассой. Отдѣльно варило медъ, очевидно такъ-же, какъ это дѣлало братство старшее[2]). Иногда же оно варило медъ вмѣстѣ со старшимъ братствомъ[3]). Для молодого братства въ 1802 году было пріобрѣтено 32 хоругви,—цифра эта хоть отчасти можетъ быть показателемъ числа участниковъ этого братства. При смерти собратчика на его похороны отпускалось пособіе; такъ, подъ 1801 годомъ, мая 14-го записано: „выдано на гробницу 10 руб.".

У молодецкаго братства была своя касса, которой завѣдывалъ ихъ ктиторъ. Средства этого братства были довольно значительны; такъ, въ 1792 г. у него было: серебр. монетой злотыхъ польскихъ 504 и мѣдными 214; въ 1795 г. было наличными 65 руб., въ 1796 г.—69 руб.[4]). Часто братство это выдаетъ свои деньги на церковь; такъ, въ 1804 го-

---

[1]) Первое упоминаніе о молодомъ братствѣ находимъ въ приходо-расходной книгѣ этого братства подъ 1778 г.; дальше въ книгѣ видимъ подъ 1783 г.: у него тогда было злотыхъ польскихъ 77.

[2]) Наприм., подъ 1799 г. упоминаются расходы при варенiи меда. А въ 1793 г. молодецкое братство заработало на меду 25 злотыхъ.

[3]) Подъ 1787 г. 4 февраля читаемъ: „Z kanonu z Bractwem Mlodym spulnie robionego uszynkowanych 176 руб. 21 грошъ.

[4]) Свѣдѣнія изъ второй тетради—Ksiezka молод. братства.

ду 17-го ноября: „Поступило въ приходъ отъ молодого братства 145 руб. 63 коп.“, а въ 1808 г. 22 августа „изъ молодецкаго братства поступило 26 руб.“ [1]).

Изъ средствъ молодого братства отчасти содержалась и школа, учениками которой состояли, очевидно, братчики.[2]).

Каковы были сношенія нашего братства съ иными братствами,—объ этомъ разсматриваемая тетрадь указаній не даетъ. Только подъ 12 января 1795 года читаемъ, что братство „видало за воскъ въ Витевской Гутѣ брачикамъ 50 зл. 15 грош.“

Братскую кассу и отчетность ежегодно повѣрялъ деканъ[3]), составлявшій актъ своей ревизіи, записываемый въ особой книгѣ (Xiega wizyt); ревизія такая называется Wizyta Dziekanska. За ревизію братство уплачивало декану различную сумму[4]).

Конецъ Воскресенскаго братства относится къ началу XIX стол.—именно, въ разсматриваемой тетради приходы оканчиваются датой—10 января 1805 года, послѣ чего идетъ 10 листовъ чистой бумаги.

Вотъ тѣ данныя, которыя можно было извлечь главнымъ образомъ изъ приходо-расходной книги брусиловскаго церковнаго братства, а также изъ книги визитацій той-же церкви.

---

[1]) Оттуда-же.

[2]) О братской школѣ см. ниже въ отдѣльномъ очеркѣ.

[3]) Визиту вначалѣ дѣлалъ ксендзъ Янъ Ставицкій, деканъ Хо дорковскій.

[4]) Wydalem I M. X. Dziekanowi za wizyta 4 grziwny, 1774 г.; въ 1777 г.—3 гр. 6 коп.; въ 1786 г.—2 зл. 20 грош.; 1788 г.—4 злотыхъ, столько же въ 1792 г.

III.

Брусиловское Вознесенское церковное братство.

Съ очень давняго времени Брусиловъ дѣлится на двѣ части, — Новый и Старый Брусиловъ. Такъ, въ переписи 1628 г. для установленія подымной подати уже упоминается Новый Брусиловъ, который тогда былъ заложенъ Лукашу Модлишевскому, сосѣднему помѣщику с. Водотыи [1]). Съ весьма давняго же времени въ Новомъ Брусиловѣ была построена и Вознесенская церковь; церковь эта существовала уже въ 1641 году, что видно изъ вкладной записи на Евангеліи 1636 года, подаренномъ владѣлицей Брусилова Евдокіей Бутовичъ и хранящемся до сихъ поръ въ этой церкви. Церковь эта, однако, была сожжена татарами во время Руины и Новый Брусиловъ долго былъ безъ своего храма. Въ 1751 году жителя Новаго Брусилова приступили къ постройкѣ второго храма, который и былъ заложенъ на мѣстѣ стараго храма Яномъ Слѣдкевичемъ, въ то время деканомъ Житомірскимъ и Радомысльскимъ. 19 лѣтъ строился храмъ, и только въ 1770 году былъ оконченъ владѣльцемъ Щенснымъ Чацкимъ и освященъ консисторскимъ писаремъ Павломъ Урбановскимъ съ разрѣшенія митрополита Фелиціана Володкевича. Церковь эта просуществовала до 1836 г., когда случившимся пожаромъ была уничтожена.

Со своего основанія и до 1800 года церковь эта была уніатской.

Съ незапамятныхъ временъ при Вознесенской церкви существовало церковное православное братство, потомъ ставшее уніатскимъ, жизнь котораго можно отчасти возстановить изъ Xiegi wizyt, хранящейся въ архивѣ Воскресенской церкви [2]), а также отчасти изъ приходо-расходной

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи т. VII ч. I, 373, 381—388.

[2]) Xiega wizyt Cerkwi w Niebo Wsempenia Panskiego Nowomieyskiey Brusilowskiey 1771 roku zlozona.

церковной книги съ 1799 года, хранящейся въ церкви Вознесенской.

Общее наблюденіе надъ Вознесенскимъ братствомъ принадлежало своему пароху, настоятелю церкви. Съ посвященія церкви, т. е. съ 1770 года по рекомендаціи гр. Щенснаго Чацкаго въ эту церковь назначенъ былъ настоятелемъ Григорій Василевскій, посвященный въ духовный санъ въ Радомыслѣ въ 1763 году [1]). Василевскій очень долго пробылъ въ Вознесенскомъ приходѣ,—его мы встрѣчаемъ еще въ 1784 году [2]).

Кто былъ парохомъ Вознесенской церкви послѣ Г. Василевскаго,—не извѣстно, но съ 1790 г. должность настоятеля занялъ рекомендованный фундаторомъ Григорій Протасіевъ Вигура, который и пробылъ въ Брусиловѣ до 1796 года[3]).

Неизвѣстенъ и замѣститель Вигуры, уѣхавшаго вслѣдъ за послѣднимъ раздѣломъ Польши; но одно время послѣ него былъ Симеонъ Маломужъ.

Съ 1798 по 1818 годъ настоятелемъ Вознесенской церкви былъ Косма Іоанновъ Яворовскій[4]).

Наконецъ, съ 1818 по 1836 годъ настоятелемъ былъ Петръ Антоновъ Кошицъ[5]), при которомъ и сгорѣла Вознесенская церковь.

Настоятель церкви всегда является главнымъ ревизоромъ братскихъ суммъ. Братскій сундукъ съ казной не мо-

---

[1]) Визита 1771 года.

[2]) Родился онъ въ 1733 году; имѣлъ много польскихъ и латинскихъ книгъ. См. wizyta 1784 г.

[3]) Посвященъ въ духовный чинъ въ 1788 году. Въ 1796 г. выбылъ съ семействомъ въ городъ Луцкъ. См. wizyta 1792 г. и ревизская сказка за 1815 годъ.

[4]) Въ Брусиловъ прибылъ изъ Бородянки; съ 1810 года былъ назначенъ духовнымъ депутатомъ. Въ 1818 году принялъ монашество въ Выдубицкомъ монастырѣ.

[5]) Родился въ 1793 году; съ 1824 г. духовный депутатъ.

Брусиловская Воскресенская церковь.

жетъ быть открытъ безъ извѣщенія настоятеля; настоятелю же братство ежегодно даетъ отчетъ о своей дѣятельности[1]).

Правленіе братства мы уже знаемъ—ктиторъ, ключникъ и нѣсколько братчиковъ. Ктиторъ является представителемъ братства въ церкви; онъ же завѣдываетъ и братскими суммами и часто держитъ ихъ у себя[2]), хотя ключъ отъ братской казны всегда находится у ключника; при чемъ ключникъ одинъ не имѣетъ права ходить къ порученной ему казнѣ, а всегда вмѣстѣ съ ктиторомъ или инымъ братчикомъ[3]). Строго предписывалось братчикамъ, чтобы наименьшій грошъ вкладывался въ казну, и всегда въ реестръ зачисывался хотя-бы одинъ грошъ[4]).

Въ виду того, что Вознесенское братство, какъ увидимъ ниже, было преимущественно цеховымъ, то ктиторомъ его чаще былъ самъ цехмистеръ.

На первыхъ порахъ ктиторъ и братчики были назначены самимъ фундаторомъ храма Щенснымъ Чацкимъ въ 1770 году[5]), при чемъ онъ назначилъ двухъ братчиковъ, двухъ ключниковъ и шесть братчиковъ[6]).

Брусиловское Вознесенское братство дѣлилось на три части: братство цеховое, братство громадское и братство въ селѣ Осовцахъ[7]). Въ Новомъ Брусиловѣ, которому еще въ 1585 году Стефанъ Баторій выдалъ магдебургское право[8]), развилось цеховое устройство; особенно процвѣталъ

---

[1]) Wizyta 1771 года.

[2]) Визитаторъ 1771 г. жалуется, что „po wielu parochiach Ktytorowie i bratczykowie u siebie pieniedze cerkiewne trzymaja, ieden drugiemu bezwiadomosci W. Parocha pozyczajc albo i podczas swoey potrzeby biera bez zadnego pozytku Cerkiewnego".

[3]) Wizyta 1771 г.

[4]) Ibidem.

[5]) Первый ктиторъ Николай Самойличенко, второй—Ѳедоръ Старченко; Стецко Калениченко и Ѳома Калениченко—ключники; Якимъ Лукиничъ, Стефанъ Крамарь, Левко Рудникъ, Омелько Крамаръ, Лаврінъ Биленькій, Романъ Швецъ—братчики. См. Wizyta 1771 г.

[6]) Возможно, что одинъ изъ ктиторовъ и одинъ изъ ключниковъ былъ назначенъ для молодого братства.

[7]) Wizyta 1771 года.

[8]) Архивъ Ю.-З. Россіи ч. VII, т. III, 281—284.

цехъ шевскій, который при Вознесенской церкви и составилъ особое братство. Возникло шевское братство, очевидно, весьма рано, еще при первой Вознесенской церкви; но когда эта церковь была разрушена татарами, то захирѣло и братство, такъ что визитаторъ 1771 года пишетъ, что онъ видѣлъ и реестръ приходовъ и расходовъ цехового братства, но въ этомъ реестрѣ ни начала, ни должнаго записыванія не было[1]). Шевское братство просуществовало въ Брусиловѣ очень долго,—оно прекратилось только въ 1836 году, когда сгорѣла Вознесенская церковь[2]).

Второе братство—громадское (gromadzkie)—состояло, очевидно, изъ нецеховыхъ жителей Брусилова. Третье—Осовецкое—изъ жителей села Осовецъ, которое отошло отъ Вознесенской церкви съ построеніемъ своей собственной каменной церкви Щенснымъ-Чацкимъ во имя Іосафата Кунцевича въ 1790 году.

Въ приписанныхъ къ Вознесенской церкви приселкахъ Осовцахъ и Ястребенькѣ, по визитѣ 1773 года, есть свои ктиторы, свое братство и свои приходо-расходныя книги.

Изъ этихъ трехъ частей Вознесенскаго братства, конечно, главную роль играло цеховое шевское братство, остальныя только помогали ему. Вотъ почему брусиловское Вознесенское братство можно назвать по преимуществу цеховымъ, хотя спѣшимъ оговориться, что мы почти невидимъ никакой разницы между Воскресенскимъ церковнымъ братствомъ и Вознесенскимъ цеховымъ.

Таковы три части брусиловскаго Вознесенскаго братства. Имъ предписывалось имѣть ревностное стараніе о

---

[1]) Wizyta 1771 г.

[2]) Въ приходо-расходной книгѣ Вознесенской церкви до 1836 года ежегодно встрѣчаются записки въ родѣ такихъ: „Возънесено отъ званія шевскаго въ церковь 622 р.“ (1813 г.). „Поступило отъ шевскаго званія въ церковную сумму 100 р.“ (1822 г.). „Вызичено у общества шевскаго званія 51 р.“ (1827 г.), и т. п.

нуждахъ церковныхъ, во всѣхъ дѣлахъ быть примѣрными [1]). Но братства эти не всегда исполняли такое предписаніе— часто они шли въ разбродъ, а не дѣйствовали сообща. Такъ, въ 1770 г. была освящена церковь, но колокольни еще не было; не было ея и въ 1792 году, было лишь нѣсколько десятковъ дерева, приготовленнаго на колокольню[2]), такъ что визитаторъ вынужденъ былъ записать пожеланіе, чтобы братства „o wystawieniu Dzwonicy pilne wszyscy razem, nie stykaiac iedne na drugiego, staranie mieli[3])".

Числа братчиковъ мы не знаемъ; только въ визитѣ 1784 года находимъ краткую глухую замѣтку, что „Bractwa tey cerkwi liczy sie do osob 50."

Средства братства, очевидно, тѣ же, что и у братства Воскресенскаго. Въ 1792 году оно имѣло наличными 107 рублей и долговъ на 764 злотыхъ польскихъ[4]). Долги всегда составляютъ значительную сумму, такъ что визитаторъ въ 1792 г. вынужденъ былъ записать, чтобы братчики „Długi na Regestrach Praznikowych zalegle z uproszeniem nawet pomocy Dworskiey iak naypredzey wyprawili". Долги образовались или изъ тѣхъ денегъ, которыя братство давало братчикамъ, или, что особенно часто, изъ такъ называемыхъ канунныхъ денегъ.

Смотрѣть за церковнымъ порядкомъ и заботиться о церковныхъ нуждахъ было главной обязанностью Вознесенскаго братства. Не менѣе одного раза въ мѣсяцъ происходили совѣщанія представителей братства со своимъ настоятелемъ о церковныхъ потребахъ.

Нужды эти самыя разнообразныя. Такъ, сейчасъ же послѣ основанія Вознесенской церкви, въ 1772 году шевскій цехъ жертвуетъ въ Новую церковь Тріодіонъ 1767 г.[5]).

---

[1]) Wizyta 1771 г.

[2]) Wizyta 1792 г.

[3]) Ibidem.

[4]) Wizyta 1792 г.

[5]) Онъ хранится до сихъ поръ; по листамъ запись: Cerkw'i Nowomieyskiey Brusilowskiey w Niebo wstempenia Panskiego przez cech Szewski kuplona i oddana roku Panskiego 1772.

Одной изъ важныхъ заботъ братства было стараніе о свѣчахъ для алтаря и для братства. Братскія свѣчи всегда были предметомъ особой заботы братства, такъ какъ съ этими свѣчами братство выступало какъ во время торжественныхъ процессій, такъ и въ рядовыхъ службахъ. Въ первой визитѣ Вознесенской церкви 1771 г. объ этомъ мы читаемъ слѣдующее: „Братчики должны заботиться о свѣчахъ для алтаря и для братства, и съ этими свѣчами должны предстоять въ церкви на литургіи во время чтенія Евангелія (также и на утрени), во время пѣнія „Иже херувимы“ и главнымъ образомъ при освященіи Тѣла и Крови Христовыхъ, а также, когда начинаютъ пѣть „Единъ святъ, единъ Господь“ и пока священникъ, вышедши съ пресв. дарами произнося „Со страхомъ Божіимъ“ и пока не закончитъ словами: „Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, —до тѣхъ поръ должны стоять на колѣняхъ со свѣчами“. Такихъ свѣчъ у братства было 8 въ 1784 году и 6 въ 1792 году. Свѣчи дѣлало братство само.

Братство особенно торжественно выступаетъ въ процессіяхъ: братчики идутъ впереди попарно съ зажженными свѣчами, не разговаривая и не смѣясь. Каждый братчикъ во время процессіи долженъ знать свою собственную обязанность, а именно—старшіе—носить свѣчи, младшіе—носить крестъ и хоругви. „А при ношеніи креста и хоругви какъ на процессіяхъ церковныхъ, такъ и на погребеніяхъ долженъ быть такой порядокъ: крестъ несть впереди не на плечахъ, но держать его прямо, потомъ одна хоругвь по другой несется поотдаль, малая должна быть несена впереди, за ней все большая и большая. Сами же братчики, крестъ и хоругви неся, ни смѣяться, ни разговаривать не должны, но размышлять, что несутъ крестъ тотъ, на которомъ замученъ Христосъ, и что хоругви обозначаютъ побѣду Христа надъ адомъ, и что христіане суть воины небеснаго Царя и идутъ подъ знаменемъ Его[1])“.

[1]) Wizyta 1771 r.

Особое вниманіе обращало братство на погребеніе своихъ братьевъ,—всѣ торжественно провожали братчика до могилы, и этотъ обычай существовалъ въ Брусиловѣ до послѣдняго времени; особенной торжественностью похоронъ отличалось шевское цеховое братство. Сзывались братчики на погребеніе, кромѣ колокольнаго звона, еще т. н. цешкой—особымъ значкомъ.

О погребеніи братчиковъ визитаторъ пишетъ слѣдующее:

„Также во время погребенія и проводовъ тѣлъ до церкви или до гроба, когда будутъ предстоять со свѣчами, не должны братчики смѣяться или разговаривать, но „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“ за усопшаго произносить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и думать о своей смерти [1])“.

За похоронъ братчиковъ братство ничего не брало, но всегда взимало плату съ невписанныхъ въ братство, желавшихъ торжественныхъ братскихъ похоронъ. Всегда братство приглашалось,—а то приглашались и оба брусиловскія братства на погребеніе помѣщиковъ окрестныхъ селъ, даже католиковъ.[2])

Самымъ важнымъ братскимъ праздникомъ былъ храмовой праздникъ, въ день котораго обыкновенно дѣлали т. н. *каконъ*, т. е. сытили медъ. Время канона, впрочемъ, не всегда было точно установлено: сперва въ день храмового праздника, на Вознесеніе, а потомъ его дѣлали осенью, послѣ сбора хлѣбовъ.

Разрѣшеніе на безпошлинный каконъ давалъ владѣлецъ мѣстечка гр. Чацкій, котораго всегда просили о вольномъ каконѣ. Двѣ цѣли преслѣдовались каконом: при сыченіи меду получался воскъ, изъ котораго готовили свѣчи какъ для алтаря, такъ и для братства; второе—канонъ всегда

---

[1]) Ibidem.

[2]) Напримѣръ, въ приходо-расходной книгѣ Вознесенской церкви за 1836 годъ, 28 января записано: „Получено при погребеніи деревни Здвижки помѣщицы Маріанны Ваксмановой 7 руб. 20 коп.“. М. Ваксманова похоронена въ оградѣ Брусиловскаго костела.

давалъ приличную сумму дохода, такъ необходимую для содержанія храма въ приличномъ видѣ[1]). Кромѣ этого, канонъ былъ торжествомъ, объединявшимъ все братство.

Въ визитѣ 1771 года записано подробное наставленіе о канонѣ: „Во время каноновъ не только у братчиковъ, но и у всѣхъ прихожанъ должно быть послушаніе, которое исполняютъ во всемъ мірѣ набожные христіане,—т. е. чтобы помогали братчикамъ при сыченіи меду по очереди, поскольку будетъ необходимымъ".

Во время канона устраивалась складчина—преимущественно сносилось зерно, „какъ это вездѣ дѣлаютъ набожные христіане".

Начинался праздникъ торжественной службой въ храмѣ „о здоровьи и отпущеніи грѣховъ всѣхъ прихожанъ". Послѣ чего устраивался для причта и братчиковъ братскій обѣдъ, во время котораго всѣ должны были вести себя чинно, „безъ всякихъ непріятностей, съ полнымъ сознаніемъ, что все это устраивается на хвалу Бога и для прибыли церкви[2])".

И уже послѣ братскаго обѣда устраивался канонъ, т. е. продажа приготовленнаго меду. Для этой продажи братство выбирало особыхъ людей, называемыхъ шинкарями, —они завѣдывали выдачей освященнаго меда[3]). Надо еще упомянуть, что иногда братство для лучшей варки своего меда приглашало еврея[4]).

Канонъ устраивался или на церковномъ погостѣ, или въ колокольнѣ, или въ школѣ; въ послѣдней хранились и

---

[1]) Такъ, подъ 1788 г. читаемъ: Z wysoconego miodu kanonnego od szynkarzów 305 злотыхъ польскихъ и 2 гроша.

[2]) Wizyta 1771 г.

[3]) Смот. выше запись подъ 1788 г. Позже, уже въ XIX ст. часты такія записи: „Получено отъ шинкаря Антона Синицы медовыхъ денегъ бариша 40 руб. 50 коп." (1824 г. 25 марта). Шинкарями упоминаются: Онуфрій Старченко, Лукіанъ Ковриженко, Иванъ Кищенко и Семенъ Кушниренко (въ 1822 г.).

[4]) „За вареніе меда заплочено майстру еврею 2 руб.", (1822 года 18 апрѣля): При сыченіи меда всегда покупается хмель.

приналлежности для сыченія и храненія меда. Проводился день шумно и весело. Очень часто къ празднику присоединялось и старое мѣсто Брусилова, что увеличивало доходы.

Второй день этого праздника назывался рахтой. Начиналась рахта также торжественнымъ служеніемъ за всѣхъ умершихъ прихожанъ, послѣ чего устраивался опять братскій обѣдъ. Послѣ же обѣда допивался непроданный медъ.

Какъ выше мы сказали, канонъ устраивался шумно и весело. Все мѣстечко валило къ церкви, шинки брусиловскіе въ этотъ день пустовали. Меду сытили много и сперва пили за наличныя, а потомъ брали въ долгъ. На братчикахъ и прихожанахъ постепенно образовывались большіе долги, заносимые въ канунный реестръ. На эти долги обратилъ вниманіе визитаторъ 1771 года, который записалъ пожеланіе, чтобы „во время каноновъ медъ церковный не давать въ кредитъ, потому что по многимъ прихожанамъ церковныя деньги пропали. Чтобы дьякъ [1]) не смѣлъ, не смотря на упорство братчиковъ, записывать меду въ кредитъ, подъ страхомъ отрѣшенія отъ мѣста. Но если прихожане не имѣютъ денегъ, то могутъ вдвоемъ или втроемъ, ссыпавши мѣрку збожа, взять за нее меду, а збоже это должно потомъ продать, а деньги отдать до скарбоны".

Конечно, такое пожеланіе не приводилось въ исполненіе и въ приходо-расходныхъ книгахъ все время попадаются канунные долги.

Какъ мы выше сказали, Брусиловское Вознесенское братство дѣлилось на три части—на цеховое, громадское и осовецкое (сельское). Всѣ эти три части имѣли позволеніе отъ владѣльца Брусилова на отдѣльный вольный канонъ, чѣмъ, очевидно, они и пользовались. Такъ, въ 1818 г. 27 декабря записано: „Продано цѣхового меду прѣсного за 17 р. 50 коп.". Конечно, такое раздѣленіе приносило только вредъ, почему визитаторъ 1771 года записалъ въ книгѣ пожеланіе о совмѣстной ревностной дѣятельности всѣхъ частей братства.

[1]) Онъ велъ приходо-расходныя книги.

Надо еще замѣтить, что у Вознесенскаго братства была своя лавка и амбаръ при колокольнѣ. Очевидно, въ прежнее время колокольная лавка была шинкомъ, гдѣ продавался братскій медъ. Въ позднѣйшее время и лавка и амбаръ сдавались въ наемъ[1]). Когда строили новую колокольню, уже въ 1803 году, то при ней выстроили по старой традиціи и двѣ лавки; не такъ давно, лѣтъ 20 тому назадъ, въ этихъ лавкахъ при колокольнѣ былъ устроенъ трактиръ, хотя, очевидно, по старой традиціи; правда, трактиръ этотъ просуществовалъ недолго; слишкомъ зазорно было держать его при церкви.

Братство содержало школу, помѣщавшуюся на южномъ углу кладбища возлѣ церкви. Это была небольшая изба, съ коморой черезъ сѣни[2]). Въ школѣ этой (szkolka) дьякъ „училъ дѣтей молитвамъ и десяти заповѣдямъ, а также и 4 артикуламъ вѣры. А по приселкамъ по воскреснымъ днямъ, по очереди—пріѣхавшими въ одно воскресенье въ одинъ приселокъ, въ другое—въ другой, собирать всѣхъ дѣтей къ одной избѣ и учить ихъ тому же, и это исполнять подъ страхомъ потери мѣста и подъ страхомъ особливой кары[3]).

Надо замѣтить, что учителя подобной школы, дьяки, были сословіемъ вольнымъ, мало общаго имѣвшимъ съ нынѣшними церковными дьяками. Старые дьяки избирались громадой и мало зависѣли отъ настоятеля церкви. Въ нашихъ документахъ мы встрѣчаемся уже съ типомъ дьяка переходной поры, когда еще не забыты были старыя традиціи, но когда уже, подъ вліяніемъ уніи, дьяковъ стали подчинять священникамъ. Визитаторъ Вознесенской церкви по этому поводу записалъ такое любопытное пожеланіе: „azeby

---

[1]) „Получено за отдачу въ наемъ купцу Ивану Малютину церковной лавки 50 руб. мѣдью“, 8 мая 1820 года. За наемъ колокольного амбара 10 руб. 1831 года.

[2]) Визита 1771 года.

[3]) Ibidem.

diak W. X. Parochowi byl posluszny, nie nazywajac siç Gromadzkim Diakiem, lecz ministrem Cerkiewnym, a po okçczeniu swey kondycyi maiçc od W. X. Parocha o swoim calo Rocznym rekomedacia obchodzeniu, z nio do mnie przybyl, jnaczey bez rekomendacyi niema niadzie bydz przyietym na kondycia w Dekanacie fastowskim zalecilem y rozkazalem".

Школа эта существовала до 1836 года, пока не сгорѣла вмѣстѣ съ церковью[1]).

При старомъ братствѣ было организовано и братство молодое или молодецкое. Когда оно основано—извѣстій нѣтъ, но въ 1771 году оно уже существуетъ,—о немъ упоминается въ визитѣ 1771 года Молодое братство имѣло только одно братство, цеховое; полный титулъ этого братства былъ такой: „Брусиловское Вознесенское шевское молодецкое братство".

Молодецкое братство участвовало въ процессіяхъ—именно оно несло крестъ и хоругви. Имѣло свою отдѣльную кассу,[2]) могло отдѣльно сытить медъ. Просуществовало оно очень долго—очевидно, до пожара церкви въ 1836 году. Братство это очень часто собирало деньги на церковь и дѣлало свои вклады[3]).

Дѣлопроизводство братства велось на польскомъ языкѣ; приходо-расходную книгу велъ, если не было грамотнаго братчика, дьячекъ[4]). Кассу братскую ежегодно повѣрялъ

---

[1]) Въ приходо-расходной книгѣ о школѣ находимъ такія записи: „Выдано на починку школьныхъ окошекъ 1 р. 50 к." (1823 г.). „Выдано на кирпичъ въ школьной избѣ и за сдѣлку въ оной печи 3 р. 60 к.—(1829 г.) Подробнѣе см. ниже отдѣльный очеркъ о школѣ.

[2]) „Цехъ отдѣльный имѣетъ названіе братства молодого, у котораго въ наличности 111 р. сер. и 3 злота"; Wizyta 1792 г.

[3]) Собрано изъ шевскаго званія молодымъ братствомъ съ 1823 г. по сей годъ 89 р. 30 коп. (1825 г. дек. 1). Собрано молодецкимъ шевскимъ званіемъ 94 р. 50 к. (1830 г. 14 дек.). Въ 1825 г. 8 дек. шевское молодецкое братство на свой счетъ соорудило за 89 р. 30 к. (деньги эти были собраны) двѣ хоругви фіолетовой тафты.

4) Которому и сдѣлано соотвѣтствующее наставленіе въ визитѣ 1771 г.

мѣстный деканъ,— сперва Янъ Ставицкій, деканъ Фастовскій, а позже, съ переходомъ Брусилова къ деканіи Ходорковской, Андрей Ильницкій, деканъ и парохъ Ходорковскій, бывшій парохъ Брусиловскій.

Пріѣзжая въ церковь, деканъ, послѣ молебствія, производилъ подсчетъ кассѣ церковной и братской. Цехмистеръ шевскій обязанъ былъ являться къ декану для провѣрки суммы братства шевскаго цеха. Иногда на этой почвѣ возникали острые конфликты между деканомъ и цехмистеромъ. Такъ въ 1784 году цехмистеръ шевскій Ѳедоръ Перепелица, назначенный въ Вознесенскую церковь самимъ фундаторомъ ея, гр. Щенснымъ Чацкимъ, не явился къ декану на ревизію и не представилъ ему списковъ расходовъ денегъ, которыя должны обращаться на церковныя нужды. Въ виду такого непослушанія деканъ записалъ въ визитной книгѣ: „Onego do póty, do pòki przed Przewelebnym X. Dziekanem Mieysca etiam za poprzedzaiaca przysiaga, gdy tego bedzie potrzeba, nalezytey nie uczyni Kalkulaeji, w interdykt osobisty podalem y wszystkich Dobr Duchownych zabronilem M. D. N.“.

Въ воскресный день или въ праздникъ, отслуживши службу Божію, деканъ экзаменовалъ прихожанъ и братство, главнымъ образомъ—дѣтей, экзаменовалъ въ знаніи молитвъ, заповѣдей и 4 артикуловъ вѣры. Результаты этого экзамена всегда записываются въ книгѣ визитацій[1]).

Братство Вознесенское въ разсматриваемое время не отличалось уже продуктивной работой,—постепенно оно замираетъ, лишившись той дѣятельности, къ которой оно было призвано. Такъ въ визитѣ 1792 г. читаемъ: „Формальнаго братства при Вознесенской церкви нѣтъ, только три провизора стараго братства удерживаютъ титулъ, имѣя наличными 21 старый рубль, 7 гривенъ и 5 коп.“.

Возможно, что причиной развала Вознесенскаго братства послужила та рознь, которая замѣчалась между тремя его частями и которая мѣшала совмѣстной работѣ всего

[1]) См. напр. Wizyta 1784 и 1792 г.г.

братства. Это сознавалъ и визитаторъ 1792 г., который записалъ въ визитной книгѣ такое пожеланіе: „Bractwu zas i Parafianom zaleca sie i pod karami na nieposlusznysh przepisanemi przykazuie, aby, zebrawszysie w swieto, formalne Bractwo miedzy soba uczynili, i do Regestru iednego wszyscy sie zapisali".

У насъ нѣтъ извѣстій, какъ братство исполнило волю своего ревизора. Но оно существовало, занимаясь исключительно церковными дѣлами, вплоть до 1836 года, т. е. до пожара Вознесенской церкви.

Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя намъ удалось почерпнуть изъ найденныхъ нами документовъ о жизни двухъ брусиловскихъ церковныхъ братствъ поры ихъ упадка. Свѣдѣнія эти, повторяю, для меня интересны были только тѣмъ, что они рисовали картину жизни провинціальнаго братства, далеко отстоящаго отъ культурнаго центра. Свѣдѣній о крупныхъ братствахъ, какъ напр. Кіевскомъ Богоявленскомъ или Львовскомъ, Виленскомъ и др. въ литературѣ вполнѣ достаточно. Но описаній братствъ захолустныхъ, гнѣздящихся за сотни верстъ отъ губернскаго города, у насъ немного, свѣдѣнія о нихъ отрывочны и скудны. И только по этой причинѣ мы и рѣшили публично подѣлиться добытыми нами результатами.

Нашъ очеркъ закончимъ указаніемъ на тѣ остатки братской жизни, которые до настоящаго времени удержались въ Брусиловѣ и значеніе которыхъ ясно только лицу, хорошо знающему жизнь нашихъ церковныхъ братствъ.

Первое изъ нихъ—медовареніе, медъ или канунъ; обычай медоваренія строго хранится до настоящаго времени; правда, его сильно подорвала казенная монополія.

Второе—до сихъ поръ старики предстоятъ въ церкви во время чтенія Евангелія и Херувимской пѣсни со своими братскими свѣчами.

Третье—до настоящаго времени въ Брусиловѣ въ приходѣ Воскресенскомъ содержится для бѣдныхъ и увѣчныхъ братскій капиталъ.

Четвертое—существуетъ традиція, что кресты и хоругви въ процессіяхъ и на погребеніи несутъ исключительно парубки, а не старики. Какъ видимъ, это остатокъ молодецкаго братства.

Пятое—до сихъ поръ въ праздникъ Рождества Христова дѣвицы и парни колядуютъ на церковь, т. е отдаютъ собранные во время славленія Христа хлѣбъ и деньги въ распоряженіе церкви.

Шестое—до введенія школъ въ нашемъ краѣ, до 70 годовъ, при школахъ сверхъ постоянныхъ учениковъ, были еще хлопцы—богомольцы, т.-е. подростки, ходившіе въ школу послѣ занятій для изученія молитвъ.

Седьмое—принадлежности для погребенія (хоругви, кресты, мары, сукно) до сихъ поръ называются въ Брусиловѣ *цехъ*,—это остатокъ стараго времени, когда погребеніемъ завѣдывало церковное цеховое братство.

Наконецъ, восьмое—остатокъ давнихъ братствъ можно видѣть и въ томъ, что церковные причетники (староста церковный, ключникъ и др.) до сихъ поръ называются въ Брусиловѣ братчиками.

м. Брусиловъ,
23 августа 1913 года.

И. Огіенко.

II.

Къ исторіи школъ въ Малороссіи.

Школа въ м. Брусиловѣ.

I.

Одной изъ первыхъ заботъ церковнаго братства всегда было содержаніе школъ, — рѣдко можно было встрѣтить братство, которое не имѣло бы школы. Церковныхъ братствъ на Украинѣ было весьма много, почти въ каждомъ поселеніи было если не братство, то его отдѣленіе, значитъ, много было, школъ. Достовѣрно извѣстно, что въ прежнее время, напр. въ началѣ XVIII-го вѣка, школъ было значительно больше, чѣмъ теперь; конечно, въ этомъ дѣлѣ крупную роль сыграли только южно-русскія церковныя братства, на свой счетъ содержавшія школы.

Двѣ такихъ братскихъ школы съ незапамятныхъ временъ существовали и въ м. Брусиловѣ.

Воскресенская братская школа помѣщалась вправо отъ колокольни, возлѣ кладбища, на землѣ, свободной отъ повинностей дворскихъ. Построена она была еще до 1738 года изъ дерева старой церкви.

Состояла школа изъ одной небольшой комнаты въ три окна, съ бѣлой кафельной печью; черезъ сѣни, огороженныя частоколомъ, находилась комора, въ которой былъ погребъ (лёхъ дубовый), устроенный для храненія братскаго меду. Все это подъ одной крышей; школа имѣла 3 двери.

Въ самой школѣ было три лавки и одинъ столъ сосновый, простой работы, взятый изъ мѣстечка. Здѣсь же хранился и братскій инвентарь для сыченія и храненія меду: двѣ бочки, кадушка одна, гарнецъ и пахарнецъ для меду и еще кадушка небольшая для держанія святой воды.

Такъ описывается эта школа въ 1770 г. деканомъ Фастовскимъ, пріѣзжавшимъ ревизовать Воскресенскую, тогда уніатскую, церковь.

Школа содержалась на средства церковнаго братства[1]), а также на средства особаго славнаго „молодецкаго братства", состоявшаго частью изъ учениковъ[2]). Занимался въ школѣ мѣстный дьячокъ.

Вторая братская школа, *Вознесенская*, помѣщалась на южномъ углу кладбища возлѣ Вознесенской церкви. Это была небольшая изба съ коморой черезъ сѣни.

Въ школѣ этой занимался дьякъ, который училъ дѣтей молитвамъ и 10 заповѣдямъ, а также 4 артикуламъ вѣры.

Дьякъ занимался не только въ Брусиловской школѣ,— на его обязанности лежало посѣщеніе по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и приселковъ, куда онъ ѣздилъ по очереди; пріѣхавши въ приселокъ, дьякъ собиралъ всѣхъ дѣтей къ одной избѣ и училъ ихъ тому же, чему училъ въ школѣ дѣтей Брусиловскихъ.

Все это было предписано дьяку въ 1770 году деканомъ Фастовскимъ подъ страхомъ потери мѣста и подъ страхомъ особливой кары.

Вотъ эти двѣ братскихъ школы и удовлетворяли стремленія брусиловцевъ къ просвѣщенію. Школы были совершенно вольными, дьякъ зависѣлъ только отъ братства, отъ котораго получалъ и вознагражденіе за свой трудъ. Сами же учащіеся за ученіе ничего не платили: школа была всѣмъ доступной и безплатной.

Конечно, школы эти на теперешній взглядъ были довольно мизерными, но въ свое время онѣ вполнѣ удовле-

---

[1]) Такъ, въ 1795 г. „за окна до школи видали 9 гривенъ". Братская школа упоминается въ документахъ и въ 1800 году—ее тогда ремонтировали.

[2]) Молодецкое братство пишетъ: „Выдали мастерамъ за школу 1 р. 45 к.", 1800 г. „Выдано за здѣлку погреба школнаго 3 р. 50 к.", 20 іюля 1803 года.

творяли неприхотливымъ требованіямъ брусиловцевъ,— научали ихъ прежде всего молитвамъ, а потомъ чтенію и письму.

Обѣ эти школы существовали до 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Въ концѣ онѣ влачили уже довольно жалкое существованіе, — за ними установленъ былъ нѣкоторый контроль, чего не могли выносить свободолюбивые братчики, и поэтому заботы ихъ о школѣ замѣтно уменьшились.

И школы эти замерли вплоть до 60-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Изъ старыхъ школъ въ Брусиловѣ надо упомянуть еще школу при капуцинскомъ Брусиловскомъ монастырѣ. Школа открыта была съ основаніемъ монастыря, — въ 1786 году. Владѣлецъ Брусилова, знаменитый польскій писатель и ученый Ѳаддей Чацкій, въ 1792 г. 13 окт. сдѣлалъ фундушъ на школу, по которому директору ея назначалось годичное содержаніе по 120 польскихъ злотыхъ и опредѣленная ординація. Тогда же подъ школу была назначена изба съ огородомъ возлѣ монастыря, за дорогой, идущей на Лазаровку.

Въ 1797 году въ этой школѣ училось 8 шляхетскихъ дѣтей и 9 мѣстечковыхъ; дѣтей учили читать и писать на языкахъ польскомъ, латинскомъ, украинскомъ и русскомъ; учили также начаткамъ ариѳметики.

За школой наблюдалъ и экзаменовалъ самъ президентъ капуцинскаго монастыря.

Школа эта скоро пришла въ ветхость, но починить ее было некому; въ концѣ концовъ въ 1817 г. ее перенесли въ монастырскій флигель, а потомъ въ 1822 году въ зданіе самого монастыря, въ нижній этажъ, гдѣ поселился и учитель съ семьей.

Капуцинская школа существовала вплоть до закрытія этого монастыря, т. е. до 1865 года.

II.

Съ начала 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія наступаетъ новая эпоха въ исторіи школъ,—на нашему краю заводятся школы церковно-приходскія, т. е. школы, помѣщавшіяся при церкви для нуждъ своего прихода. Всѣмъ священникамъ было предписано открыть сельскія церковныя школы и обучать въ нихъ „грамотѣ славянской и русской". Учителя были готовы: еще свѣжа была память о школахъ братскихъ, гдѣ учительствовалъ дьякъ; поэтому и теперь заботу о сельскомъ просвѣщеніи всецѣло взвалили на дьячка.

Но забыли одно: старый дьякъ совсѣмъ не походилъ на новаго. Старый дьякъ былъ человѣкъ вольный и вольнолюбивый, отъ священника совершенно не зависимый,—его избирало братство, оно же платило ему за труды и по церкви и по школѣ. Дьякъ былъ сравнительно обезпеченнымъ. Не понравится ему въ одномъ приходѣ,—онъ перекочевываетъ въ другой.

Такіе дьяки еще были во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Такъ, напр., деканъ Фастовскій Янъ Ставицкій, ревизуя въ 1771 году брусиловскую уніатскую Вознесенскую церковь, записалъ въ книгѣ пожеланіе, чтобы дьякъ „священнику былъ послушнымъ и не называлъ бы себя громадскимъ дьякомъ, но слугою церковнымъ".

Это было начало того гоненія, которое предприняли противъ вольнолюбивыхъ дьяковъ; въ результатѣ образовался тотъ дьякъ, типъ котораго мы имѣемъ теперь.

И вотъ уже этому новому дьяку опять вручили заботу о сельскомъ просвѣщеніи. Общій надсмотръ надъ школой поручался священнику.

Конечно, мало обезпеченному матеріально духовенству тяжела была эта новая обязанность. Но начальство было непреклоннымъ и разсылало суровые приказы. Вотъ для образца одинъ изъ нихъ.

„Причту Брусиловской Воскресенской церкви

ОРДЕРЪ.

По личному моему удостовѣренію оказалось, что при Брусиловской Воскресенской церкви доселѣ еще не открыты сельскія школы, для обученія крестьянскихъ мальчиковъ, требуемыя указомъ Его Высокопреосвященства. Почему, по полученіи сего, строго предписываю, дабы неотложно собраны были крестьянскіе мальчики въ числѣ 12 душъ и непремѣнно были обучаемы грамотѣ Славянской и Русской причетниками Брусиловской Воскресенской церкви Слуцкимъ и Зелитенькевичемъ. Въ противномъ случаѣ, о причетникахъ Брусиловской Воскресенской церкви, какъ о противящихся волѣ Епархіальнаго Начальства и нерадящихъ объ исполненіи повеленія Архипастырскаго, будетъ мною рапортовано Его Высокопреосвященству, въ слѣдствіе Его же, по сему предмету, строжайшаго предписанія и распоряженія. Объ исполненіи чего или неисполненіи священникъ Брусиловской Воскресенской церкви имѣетъ донесть въ Благочиніе своимъ рапортомъ".

Результатомъ такого предписанія было открытіе Воскресенской церковной школы съ 1-го октября 1860 года. Школа помѣщалась въ домѣ дьячка Василія Слуцкаго, который и занимался съ дѣтьми вмѣстѣ съ пономаремъ Зелитенькевичемъ. Въ годъ открытія учениковъ было всего 4 мальчика. Дѣтей учили „чтенію по славянской и гражданской печати, пѣнію церковному, священной исторіи и русской грамматикѣ; обученіе происходитъ въ будніе дни до обѣда и послѣ обѣда". За годъ занятій „успѣли плохо, дѣти поведенія скромнаго, учебники есть, пожертвованій не было".

Въ слѣдующемъ 1862 году въ школѣ числится 24 ученика и 9 учениць. Священникъ Платонъ Демченко такъ описываетъ свою школу: „Сельская школа помѣщается въ домѣ священника, занимается обученіемъ дьячекъ и пономарь подъ надзоромъ священника; занимаются ученики прилежно".

Съ 1863 года была открыта вторая церковная школа при Вознесенской церкви; въ томъ же году въ ней училось 10 учениковъ и 1 ученица. Школа ничѣмъ не отличалась отъ такой же Воскресенской школы; училъ въ ней также дьячекъ, наблюдалъ священникъ.

Въ деревняхъ Воскресенскаго прихода,—въ Лазаровкѣ и Костовцахъ церковныя школы открыты одновременно со школой Брусиловской—1 октября 1860 года.

Лазаровская школа помѣщалась въ крестьянскомъ домѣ; учениковъ было 7 мальчиковъ и 1 дѣвочка; ученіемъ занимался „уволенный изъ духовнаго званія пономарь" Н. Е. Вдовиченко. Крестьяне на школу пожертвовали для учителя 20 руб. сер. и два корца хлѣба.

Въ 1862 году въ Лазаровской школѣ уже 16 учениковъ. Школа помѣщалась при Волостной Управѣ; обученіемъ занимался волостной писарь, отставной поручикъ Иванъ Раттеръ.

Въ 1869 году въ Лазаровской школѣ числилось 5 учащихся по книжкахъ и 56 мальчиковъ-богомольцевъ, т. е. приходившихъ учиться однѣмъ молитвамъ. Учителемъ былъ тогда отставной подпрапорщикъ Адамъ Рыдзевскій.

Въ д. Костовцахъ церковная школа открыта 1 октября 1860 года; въ томъ же году въ ней училось 10 мальчиковъ и 3 дѣвочки. Учителемъ былъ отставной солдатъ Павелъ Даниловъ Шевчукъ, фейерверкеръ 1-го класса.

Въ 1862 году „Костовецкая школа помѣщается въ крестьянской избѣ, училось 10 учениковъ и 4 ученицы. Обученіемъ занимается крестьянинъ Григорій Евтушенко; учатся прилежно".

Съ 1863 года открыты церковныя школы и въ деревняхъ Вознесенскаго прихода—Дубровкѣ и Ястребенькѣ, гдѣ школы помѣщались въ крестьянскихъ избахъ.

Не будемъ долго останавливаться на описаніи, какъ происходила въ этихъ школахъ „дьяковская" наука,—наука эта еще многимъ лично хорошо извѣстна. Мальчика приводили къ дьяку и приносили традиціонную кашу, а вмѣстѣ съ нею и подарки. Въ первый годъ—едва осиливался букварь, дальше шелъ часословъ, и наука заканчивалась псалтырью; впрочемъ, до псалтыри рѣдко кто доходилъ—ученіе прерывали или на букварѣ, не уразумѣвъ его мудрости, или въ лучшемъ случаѣ кончали часословомъ...

Дѣтей въ этихъ школахъ было крайне мало и учились они весьма неохотно.

III.

Въ 1863 году въ Брусиловѣ была открыта Министерская народная одноклассная школа. Министерскія школы были тогда большой новинкой и возбуждали къ себѣ общее вниманіе. На долю Брусилова выпало увидѣть одну изъ такихъ школъ еще при ихъ первомъ распространеніи.

Министерская школа была открыта въ Брусиловѣ 10-го мая 1863 года. Вотъ какъ описывается торжество открытія въ рапортѣ перваго учителя Михаила Покотилс (рапортъ поданъ попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа Ѳ. Ѳ. Витте): „По прибытіи на мѣсто назначенія, въ училищѣ еще не было устройства, нынѣ же стараніемъ волостныхъ урядниковъ, приведено въ благовидное устройство. Училище было открыто 10 мая въ 10 час. утра. Мѣстнымъ благочиннымъ, въ присутствіи многихъ посѣтителей, былъ отпѣтъ Господу Богу благодарственный молебенъ за Государя и Августѣйшую Фамилію и вмѣстѣ за начальствующихъ. По окончаніи божественнаго обряда было окроплено святою водою какъ училище, такъ равно и ученики, на этотъ разъ родителями приведенные, и послѣ окропленія тотъ часъ же

было открыто ученье, за что изъявлена была какъ посѣтителями, такъ равно и родителями истинно живая благодарность Царю и Отцу Отечества".

Но напрасно радовался учитель Покотило. Министерская школа слишкомъ отличалась отъ тѣхъ школъ церковныхъ, которыя были тогда заведены въ Брусиловѣ. Было задѣто самолюбіе старыхъ учащихъ, во главѣ со священникомъ, и новой школѣ объявили войну. Стали носиться всевозможные слухи, подрывающіе авторитетъ открытаго училища. Къ довершенію всего, и самъ учитель не ладилъ со священникомъ Гр. Ковальскимъ и вдвоемъ только то и дѣлали, что писали доносы одинъ на другого.

Во время открытія этаго училища въ него поступило 27 учениковъ, но къ занятіямъ явились далеко не всѣ, такъ что М. Покотило вынужденъ былъ обратиться къ Брусиловскому Волостному Правленію 18 сентября 1863 года съ такимъ характернымъ заявленіемъ: „Съ открытія училища поступило въ него 24 мальчика и 3 дѣвочки, а нынѣ по неизвѣстной причинѣ, не поступаютъ, а хотя-бы и желали поступить, то, по слухамъ, *постыдились*. Есть неблагомыслящіе люди, которые отклоняютъ какъ родителей, такъ и дѣтей отъ столь благого дѣла, что доказано на опытѣ, ибо изъ поступившихъ 27 учениковъ осталося въ училищѣ 18, а остальные обратились въ церковныя школы также по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ". И Покотило проситъ Волостное Правленіе „разузнать эти причины".

Конечно, Волостное Правленіе ничего ему не узнало...

И вотъ 24 марта 1864 года М. Покотило опять обращается въ Волостное Правленіе съ такимъ страннымъ заявленіемъ (приводимъ его въ выдержкахъ): „Ученики, поступающіе въ одно изъ учебныхъ заведеній, самовольно и безъ времени оставлять училище не могутъ, исключая особенно важныхъ къ тому причинъ и то съ согласія училищнаго начальства, ибо ученики, поступающіе въ училища, вписываются въ пріемныя книги, и по окончаніи курса выдаются таковымъ аттестаты, свидѣтельство и похвальные

листы, каковые доставляютъ въ общежитіи не послѣднюю пользу, а посему и Брусиловское народное училище, не лишенное въ правахъ съ окончаніемъ 2-годичнаго курса поступить въ высшія учебныя заведенія, измѣнивъ училищныя положенія, имѣю честь всепокорнѣйше просить Волостное Правленіе, внявъ правительственнымъ постановленіямъ, выслать самовольно и безъ всякой къ тому причины оставившихъ посѣщать училища нижепоименованныхъ учениковъ, и вмѣстѣ внушить ихъ родителямъ какъ о заботѣ Правительства, такъ равно для ихъ и общественной пользы".

Но ничего не помогло и это слишкомъ мудреное заявленіе: учениковъ не возвратили.

Прошелъ годъ, подоспѣли и экзамены. Вотъ какъ описываетъ ихъ Покотило въ рапортѣ Попечителю: „28 іюня было произведено учащимся испытаніе въ присутствіи родителей и постороннихъ посѣтителей, изъ числа коихъ (учениковъ) достойны вниманія по успѣхамъ, поведенію и прилежанію: Иванъ Литвинчукъ, Никита Станишевскій и Косма Турменко". Кромѣ этого, „всѣ вообще изъявляютъ удовольствіе за заведенный училищный порядокъ и преподаваніе въ оном, хотя нѣкоторые сначала по открытіи училища преподаваемому ученію удивлялись, что не учатъ дѣтей ихъ такъ, какъ прежде, а потому и не будутъ знать ни часослова, ни псалтыря, и это ихъ неразумѣніе произошло отъ наущенія церковныхъ причетниковъ, какъ истинно мною дознано"...

Дѣло дошло до того, что благочинный сталъ запрещать сельскимъ мальчикамъ посѣщать Брусиловскую школу...

Въ концѣ концовъ во всю эту исторію вмѣшалась даже мѣстная полиція, которой было предписано „при посредствѣ старостъ и сотскихъ собрать мальчиковъ для обученія грамотѣ"...

Долго еще велась упорная борьба между училищемъ министерскимъ и старыми дьячковскими школами. Но по-

бѣдила, въ концѣ концовъ, школа новая,—церковныя школы опустѣли и были закрыты.

Брусиловское одноклассное народное училище своего собственнаго зданія не имѣло и помѣщалось при Волостномъ Правленіи, занимая половину его. Состояло оно изъ 4 комнатъ съ кухней и отопленіе получало отъ Волостного Правленія. Учитель жалованья получалъ 150 руб., законоучитель—50 руб.

Просуществовала Брусиловская одноклассная народная школа 25 лѣтъ. Въ 1887 году 14-го іюня въ Брусиловѣ произошелъ большой пожаръ,—сгорѣло, между прочимъ, и Волостное Правленіе, а вмѣстѣ съ нимъ и народная школа. При школѣ хранилось много документовъ, касающихся ея первоначальнаго существованія, но большинство изъ нихъ погибло въ огнѣ. Только часть документовъ была спасена и теперь хранится въ архивѣ Брусиловской Воскресенской церкви [1]).

Такъ закончила свое существованіе первая школа въ Брусиловѣ новаго типа.

Учителя въ этой школѣ вначалѣ мѣнялись очень часто, — многіе не выдерживали той атаки, которая велась противъ нея, и считали за благо лучше удалиться.

Приводимъ списокъ учителей этой школы отъ ея основанія до пожара (списокъ не полонъ).

1) Михаилъ Покотило, съ 1863 г.

2) Григорій Кравченко, съ 1 февр. 1865 г.

3) Ефимовъ, съ 19 ноября 1866 г., уволенъ 15 марта 1867 г.

4) Некрасовъ, съ 1873 г. по 20 апр. 1874 г.

5) Иващенко, съ апрѣля 1874 г. по августъ того же года.

---

[1]) Этотъ архивный матеріалъ и послужилъ источникомъ (въ числѣ другихъ) при составленіи даннаго очерка.

6) Дубій, въ 1874 г.; въ ноябрѣ 1874 г. въ помѣшательствѣ сжегъ училищную переписку, журналы и часть книгъ. Опредѣленъ изъ Брусилова въ больницу.

7) Алексѣй Бороховичъ, былъ въ 1877 и 1878 г.г.

8) Арсеній Шиманскій, былъ въ 1882 г.

IV.

Въ настоящей главѣ намъ придется немного уклониться въ сторону и возвратиться къ первоначальному разсказу.

Въ исторіи просвѣщенія Юго-Западнаго края всегда будетъ памятнымъ имя владѣльца Брусилова, знаменитаго польскаго ученаго гр. Ѳаддея Чацкаго, — одного изъ лучшихъ сыновъ старой Польши, которымъ она не напрасно гордится и до сихъ поръ. Ѳаддей Чацкій много работалъ на нивѣ народнаго просвѣщенія и въ 1803 году онъ былъ назначенъ главнымъ визитаторомъ (попечителемъ) школъ Юго-Западнаго края (губ. Кіевской, Подольской и Волынской). Дѣятельно принялся Чацкій за насажденіе просвѣщенія въ нашемъ краѣ — многія училища обязаны ему своимъ возникновеніемъ; въ Кіевѣ, напр., Чацкій основалъ 1-ю гимназію. Въ центрѣ Волыни, въ г. Кременцѣ, въ 1805 г. Ѳаддей Чацкій основалъ знаменитый Кременецкій лицей — высшее учебное заведеніе Юго-Западнаго края; лицей въ 1833 г. былъ закрытъ, его учебно-воспитательныя пособія перевезены въ Кіевъ, что и послужило главнымъ основаніемъ для тогда открытаго Университета св. Владиміра.

Ѳаддей Чацкій задумалъ покрыть весь Юго-Западный край цѣлой сѣтью т. н. парафіальныхъ школъ, т. е. школъ приходскихъ. Устраивались эти школы при католическихъ костелахъ, ученіе велось на польскомъ языкѣ. Къ обществу Ѳаддей Чацкій обратился съ горячимъ призывомъ жертвовать на эти школы. И польское общество быстро отозвалось на этотъ призывъ,—на школы начали выдаваться т. н. фундуши, т. е. дарственныя записи, обезпечивающія существованіе школы.

Ѳаддей Чацкій былъ родомъ изъ Порыцка, Волынской губ., почему свою дѣятельность онъ прежде всего сосредоточилъ на Волыни, гдѣ было открыто много т. н. фун. душевыхъ школъ, часть которыхъ существуетъ и донынѣ. Двѣ такихъ школы было открыто и въ Кіевской губ.: въ мѣстечкахъ Бѣлой Церкви и въ Брусиловѣ.

Брусиловская фундушевая школа была открыта при брусиловскомъ капуцинскомъ монастырѣ. Собственно школа была открыта еще раньше—въ 1786 году, но она не имѣла опредѣленнаго содержанія. Ѳаддей Чацкій, хотя и имѣлъ свое постоянное пребываніе въ Порыцкѣ, однако часто посѣщалъ и Брусиловъ и много заботился о немъ.

Оффиціальнаго фундуша на брусиловскую школу Ѳаддей Чацкій не оставилъ; но своей записью въ 1792 г., какъ мы уже говорили въ первой главѣ настоящаго очерка, онъ назначилъ на эту школу опредѣленное содержаніе. 19 окт. 1797 г. Чацкій вторично сдѣлалъ такое опредѣленіе на брусиловскую школу: жалованья учителю 200 злотыхъ (30 р.) и ординарія: ржи 10 корцевъ, пшеницы—1 к. 16 гарнцевъ, ячменя—4 к., гречихи—4 к., гороху—1 к. пеньковаго сѣмени—1 к. 16 г., пшена 16 г., соли 10 г., 1 откормленнаго кабана и 75 возовъ дровъ.

Какъ видимъ, брусиловскому учителю (тогда учительствовалъ Кароль Галецкій) по тому времени жилось не дурно.

Въ 1813 г. Ѳаддей Чацкій умеръ. На просвѣтительную дѣятельность онъ средствъ не жалѣлъ, почему и обременилъ свое Брусиловское имѣніе большими долгами, такъ что 3 окт. 1813 г., по рѣшенію Волынской Гражданской Палаты, имѣніе Чацкаго было подвержено конкурсу кредитовъ.

Опасность угрожала и Брусиловской фундушевой школѣ, такъ какъ подлиннаго фундуша она не имѣла. Но все таки Конкурсный Судъ рѣшеніемъ отъ 26 авг. 1818 г. укрѣпилъ за школой годовой доходъ въ 417 злотыхъ и 24 гроша (62 р. 67 к.).

Послѣ перваго польскаго возстанія, въ 1832 г. всѣ фундушевыя школы при католическихъ костелахъ и монастыряхъ были закрыты. Закрыта была въ 1832 г. и школа брусиловская.

Когда школы были закрыты, то содержавшіе ихъ польскіе помѣщики перестали платить на школу то, что они обязались давать по фундушу. Въ результатѣ былъ затѣянъ цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ; въ частности, что касается школы Брусиловской, то по требованію попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа дѣло разбиралъ Радомысльскій уѣздный судъ. Судъ состоялся въ 1838 г., и былъ опредѣленъ вѣчный доходъ на училище съ Брусиловскаго имѣнія по 437 зл. 24 гр. (65 р. 67 коп.).

Постановленіе Радомысльскаго Уѣзднаго Суда было разсмотрѣно въ засѣданіи Совѣта Попечителя 22 дек. 1838 г. и признано правильнымъ. Опредѣлено было ежегодный доходъ училища (65 р. 67 к.) вносить въ Радомысльское казначейство, а накопившіяся недоимки (459 р. 69 к.(взыскать немедленно съ наслѣдниковъ Ѳаддея Чацкаго.

Но Чацкіе упорно не платили по обязательству ихъ отца. И только при помощи принудительныхъ мѣръ и при содѣйствіи гражданскихъ властей недоимка была пополнена небольшими частями лишь въ 1848 г. Пришлось даже, немного позже, въ 1852 г. наложить запрещеніе на 28 душъ крестьянъ, принадлежащихъ Чацкимъ, для обезпеченія Брусиловскаго фундуша.

Капиталъ училища все увеличивался и увеличивался, а самого училища не существовало. Князь Васильчиковъ въ 1856 г. обратился къ владѣльцу и къ жителямъ Брусилова, прося ихъ дать помѣщеніе подъ училище, на содержаніе котораго пойдутъ фундушевыя деньги (ихъ тогда накопилось 3726 р. 89 к.). Просьба однако осталась безрезультатной. Въ 1862 г. Округъ вновь обратился къ жителямъ Брусилова съ такой же просьбой, но тѣ отказались. Училищный капиталъ къ этому времени возросъ до 4500 р.

Пришлось въ 1863 г. открыть несговорчивымъ брусиловцамъ одноклассное народное училище, почти что противъ ихъ воли. Училище это, какъ мы выше говорили, сгорѣло въ 1887 году, и только послѣ этого окончательно былъ выдвинутъ вопросъ о преобразованіи существовавшаго въ Брусиловѣ однокласснаго министерскаго училища въ двуклассное.

Брусиловское крестьянское общество взялось построить зданіе подъ новое училище на свои средства, но постройка шла крайне вяло. Въ концѣ концовъ Округъ долженъ былъ ассигновать 400 руб. на окончаніе училища, которое и было, наконецъ, закончено въ 1892 г. Тогда же оно было преобразовано въ 2-классное и на его содержаніе были назначены проценты съ фундушеваго капитала, возросшаго къ тому времени до 15000 рублей. Къ 1 января 1900 г. капиталъ этотъ увеличился до 16300 руб. и давалъ 644 р. 25 к. чистаго годового дохода [1]).

Такъ было основано въ Брусиловѣ 2-кл. фундушевое училище съ весьма солиднымъ капиталомъ, — капиталъ этотъ самый большій изъ всѣхъ фундушевыхъ капиталовъ Юго-Западнаго края.

Приводимъ списокъ учителей этого преобразованнаго 2-кл. училища.

1) С. М. Чернецкій, 1891—1893 г.г.

2) Иванъ Григорьевичъ Сливка, съ 1 сент. 1893 г. по 30 сент. 1902 г., пріобрѣлъ въ Брусиловѣ всеобщее уваженіе и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній. Много потрудился на пользу ввѣреннаго ему училища.

3) Меланья Николаевна Кочергова, съ 1890 по 1892 г.

4) Александра Александровна Ртищева, съ 1895 г. по 1902 г., за свою любовь къ дѣтямъ и за глубокое знаніе

---

[1]) Свѣдѣнія беремъ изъ изданной Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ въ 1900 г., книги: „Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ Краѣ“.

своего дѣла пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и также оставила по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

5) Л. П. Троцкая, съ 1904 по 1905 г.

6) Л. И. Калиновскій, 1904—1905 г.

7) Н. П. Некрашевичъ, 1905—1906 г.

8) Г. А. Стасиневичъ, съ 1905 г.

9) В. И. Уманскій, съ 1906 г.

Въ 1906 г. 2-кл. училище было переведено въ новое, значительно расширенное, зданіе, построенное на дарованной помѣщикомъ А. Н. Синельниковымъ землѣ. Въ прежнемъ же зданіи 2-кл. фундушеваго училища открыто одноклассное народное.

Отмѣтимъ еще, что въ Брусиловѣ одно время серьезно предполагалось открытіе учительской семинаріи. Дѣло въ томъ, что въ 1865 году, послѣ ликвидаціи второго польскаго возстанія, въ Брусиловѣ былъ закрытъ капуцинскій католическій монастырь. Прекрасное монашеское зданіе съ тѣхъ поръ опустѣло. Нѣсколько разъ возникала мысль приспособить бывшій монастырь подъ какое-либо просвѣтительное учрежденіе, но мысль эта не приводилась въ исполненіе и зданіе пустовало. Въ 1868 году упорно говорили, что въ бывшемъ монастырѣ откроютъ учительскую семинарію. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ дневникѣ брусиловскаго священника С. Гирича подъ 21 февраля 1868 года: „При отъѣздѣ ревизоръ Брусиловской школы г. Ильинскій просилъ узнать о фундушѣ костела капуцинскаго. Намѣрено начальство открыть тамъ семинарію для образованія учителей для народа изъ крестьянъ же. Вотъ какое благо для народа!“

Намѣреніе это однако не осуществилось: учительская семинарія была открыта 22 окт. 1869 г., но не въ Брусиловѣ, а въ Кіевѣ, а въ 1873 г. съ 1 авг. она переведена въ м. Коростышевъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, исторія Брусиловскихъ школъ за два послѣднихъ столѣтія, начиная отъ вольной братской школы и оканчивая министерскимъ училищемъ. Времени прошло слишкомъ много, а въ дѣлѣ образованія Брусиловъ подвинулся недалеко. Перефразируя поэта, можно съ грустью сказать: „Какъ много прожито, какъ мало пережито"...

29 авг. 1913 года.

И. И. Огіенко.

III.

Брусиловскій братскій шпиталь.

Съ весьма давняго времени въ Брусиловѣ возникло два церковныхъ братства при мѣстныхъ церквахъ—Вознесенское и Воскресенское[1]). Изъ этихъ братствъ особенной активностью отличалось братство стараго Брусилова, при св. Воскресенской церкви.

Одной изъ заботъ нашихъ старыхъ церковныхъ братствъ было призрѣніе убогихъ и увѣчныхъ, для чего братства строили свои богадѣльни, такъ называемые шпитали. Вотъ такой шпиталь имѣло и брусиловское Воскресенское братство.

Въ виду того, что старыхъ братскихъ шпиталей до нашего времени сохранилось весьма и весьма немного, считаемъ не лишнимъ подѣлиться нашими свѣдѣніями о такомъ шпиталѣ, въ м. Брусиловѣ, Кіевск. губ., Радомысльскаго уѣзда.

Время возникновенія брусиловскаго братскаго шпиталя намъ неизвѣстно. Одно можно сказать—онъ существуетъ съ весьма давняго времени и возникъ, очевидно, вскорѣ послѣ основанія въ старомъ Мѣстѣ Брусилова Воскресенскаго братства.

Первое упоминаніе о брусиловскомъ шпиталѣ относится къ 1781 году,[2]) именно, въ этомъ году Воскресенское братство рѣшило построить новый шпиталь. Не задолго

---

[1]) О дѣятельности этихъ братствъ см. выше отдѣльный очеркъ.

[2]) Въ хранящейся въ Воскресенской церкви рукописи: Xiega wizyt tudziez przychodow i rozchodow Cerkwi zmartwych wstania Panskiego Staromieyskiey roku 1772 sporadzona.

передъ этимъ братство строило новую колокольню; у него осталось много дерева отъ прежней колокольни и вотъ это дерево въ іюнѣ 1781 года и было отпущено на постройку шпиталя[1]). Строился шпиталь на средства братства, но на помощь, по силѣ возможности, пришли и сами шпитальные,—такъ, они купили часть дерева отъ старой колокольни.

Шпиталь скоро былъ оконченъ, и когда въ 1783 году въ Брусиловъ пріѣхалъ окружной деканъ Ходорковскій, Андрей Ильницкій, для ревизіи Воскресенской церкви, то въ книгу визитъ онъ записалъ о шпиталѣ: „Находится съ лѣвой стороны отъ колокольни, на углу церковнаго кладбища, отъ гребли; двѣ избы съ сѣнями изъ сосноваго дерева старой колокольни; на землѣ, вольной отъ дворскихъ повинностей; избы подъ одной крышей“[2]).

Такимъ образомъ видимъ, что въ шпиталѣ было двѣ избы, раздѣленныя сѣнями,—въ одной избѣ помѣщались мужчины, въ другой—женщины. Конечно, шпиталь не только былъ богадѣльней,—онъ былъ и странноприимнымъ домомъ, гдѣ находили себѣ пріютъ всѣ бездомные.

Призрѣваемые въ шпиталѣ были освобождены отъ всякихъ дворскихъ повинностей. Но они не сидѣли безъ дѣла—братство отъ нихъ требовало сбора доброхотныхъ даяній.

Именно, съ давняго времени у братства былъ обычай посылать съ иконой сборщика подаяній во время частыхъ (ихъ было 12) въ мѣстечкѣ ярмарокъ, а также большихъ

---

[1]) Въ вышеобозначенной рукописи читаемъ подъ 1781 годомъ, іюнь: Wydali za obatonki do szpytala grziwn. 5 kop. Wydali maystrom od robienia Szpytala zadatku 3 rub. Iraczom od rznienia tazcic do zpytala 1 rub. Подъ 17 іюня 1781 г.: Za drzewo starey zwonicy wzieli od szpytalnich 1 rubla. Сент. 3 того же года еще выдали мастерамъ 1 р. 5 гр.

[2]) „Szpital z lewey strony Dzwoniey na rog Cmentarza, od Grobli. Izb dwie z sienmi z drzewa sosnowego starey Dzwonicy, na Gruncie, od powinnosci Dworskiey wolnym, wybudowany, pod jednym dachem“.

торговъ[1]). Съ заведеніемъ шпиталя обязанность эта всецѣло перешла къ призрѣваемымъ. Выставивши икону, шпитальные ходили по ярмаркѣ съ церковной кружкой и призывали православныхъ къ пожертвованіямъ. Крупныхъ суммъ они не собирали, но все-же приходъ отъ шпитальныхъ былъ значителенъ, такъ какъ они собирали весьма часто[2]).

Часть собранной суммы шла на содержаніе шпиталя. Вотъ что записалъ визитаторъ 1794 года: „На шпиталь отъ каждаго просящаго въ мѣстечкѣ во время ярмарки или торга по 10 грошей или по 5 копеекъ; деньги эти съ вѣдома совѣстливаго человѣка, для этого избраннаго, складывать и записывать; я постановляю выдавать изъ этихъ денегъ на содержаніе шпиталя и на погребеніе умершихъ въ немъ бѣдныхъ“[3]).

Шпитальныя деньги хранились при церкви, у братства, которое ими и распоряжалось[4]).

---

[1]) Въ Wizyta 1794 г. записано: Jalmuzna od iadacych na Jarmarki przy wystawionym obrazie zlozona Prowizor ktory kolwiek, a nie Palamarz, iak sie do tad dzialo, aby odbieral i zapisywal przykazuie.

[2]) Въ приходо-расходной книгѣ Воскресенскаго братства весьма часто читаемъ: Во время ярмарки собрано 65 коп. (21 ноября 1803 г.). Шпитальными собрано во время ярмарки 1 р. (5 іюля 1803 года). Собрано шпитальными во время ярмарку 18 к. (6 сент. 1803 г.). Во время ярмарки Димитріевской собрано шпитальными 1 р. 5 коп. (26 сент. 1803 года). И такихъ записей ежегодно весьма много. Много еще записей, подобныхъ слѣдующимъ: „Собрали шпитальніи 55 к. (1802 г. 11 ноября). Шпитальніи внесли выпрошенныхъ 44 коп. (20 дек. 1802 г.). Собрано изъ разныхъ подаяній шпитальными 85 коп. (1803 г.). Записи о сборахъ шпитальными подаяній встрѣчаются вплоть до 1815 года. Очевидно, эти же деньги надо разумѣть въ записяхъ такихъ: Взято зъ шпиталя 50 коп. (9 мая 1800 г.). Прибыло изъ шпиталя 1 р. 30 коп. (13 іюля 1802 г.). Зъ шпиталя получено 1 р. (1805 г. мая 1 дня).

[3]) Na szpital od kazdego zebraka w Jarmark czyli targ w miscie zebracego obcego po groszy dziesiec czyli kopieik piec odbierac, a te pieniadze za wiedza czlowieka sumiennego obrac sie majacego skladac i adnotowac, a z tych pieniedzy na utrzymanie szpitalu i pogrzebanie ubostwa w szpitalu zmarlych wydawac postanowiam N. D.

[4]) Напр., въ 1811 г. окт. 6 записано: За умершую въ шпиталѣ Анну дано 2 р. 40 коп.

Таковы немногія данныя о брусиловскомъ братскомъ шпиталѣ за XVIII столѣтіе.

Шпиталь велъ дѣятельную жизнь и представлялъ изъ себя какъ бы „старечій“ цехъ. У него была своя казна, свои „старечія“ деньги,[1]) онъ былъ активнымъ органомъ братства и дѣятельно ему помогалъ. Вотъ почему пребываніе въ шпиталѣ не было позорнымъ, не считалось унизительнымъ. Наоборотъ, профессія „старця“ всегда была почетной и уважаемой: старецъ ближе стоялъ къ Богу, почему въ шпиталь по праздникамъ или во время домашнихъ торжествъ брусиловцы всегда посылали обильныя даянія.

Исторія этого шпиталя за XIX столѣтіе тѣсно связана съ именемъ Антона Николаевича Лобачевскаго.

Отставной прапоршикъ Лобачевскій былъ помѣщикомъ Радомыслъскаго уѣзда, именно—владѣлъ селомъ Барановкою, доставшимся ему за долги отъ г.г. Залѣсскихъ.

Самъ Лобачевскій, очевидно, занимался отдачей денегъ на проценты, такъ какъ въ его духовномъ завѣщаніи пункты 4 и 5 перечисляютъ многихъ должниковъ его (всего 22), да и Барановку пріобрѣлъ Лобачевскій за долги.

Жилъ Лобачевскій съ супругою своею Александрой Даниловной въ с. Барановкѣ, но никто изъ дѣтей ихъ при родителяхъ не жилъ,—дѣти находились „въ отдаленныхъ отлучкахъ“ какъ сказано въ духовномъ завѣщаніи.

А. Н. Лобачевскій отличался щедрой благотворительностью. Въ приходо-расходной книгѣ Воскресенской брусиловской церкви есть нѣсколько записей о даяніяхъ Лобачевскаго. Первая относится къ 12 мая 1811 года: „Дарилъ отставной прапорщикъ Антонъ Николаевичъ Лобачевскій на подмуровку церкви 50 рублей“. Въ тотъ же годъ вторая запись: „Тотъ же господинъ Лобачевскій дарилъ на куплю ризъ у священника Соловьевскаго Ѳіодора Гаври-

[1]) Въ приходо-расходной книгѣ читаемъ: „Старечихъ денегъ отъ Стефана старця 3 р.“, 1796 г. февраль. Старечихъ рублей мѣдною монетою семь, а сребнихъ $2^1/_2$“, ноябрь 1796 г.

лова 50 р.“ и къ этой записи г. Лобачевскій собственноручо приписалъ: „которые вручаю въ собственное владѣніе и въ его собственность благочинному, священнику Іоанну Самойловичу. Антонъ Лобачевскій“[1]).

Когда умеръ Лобачевскій—не извѣстно, очевидно, въ въ томъ же 1821 году; церкви, гдѣ будетъ онъ похороненъ, онъ завѣщалъ 500 р.; кромѣ этого, нѣсколькимъ церквамъ онъ завѣщалъ по 25 р.; между прочимъ, въ 1825 году іюня 22 отъ него поступило въ Воскресенскую брусиловскую церковь 25 р. ассигнаціями.

Вотъ этотъ то Лобачевскій и обратилъ вниманіе на брусиловскій братскій шпиталь и неоднократно приходилъ ему на помощь.

Въ 1812 году шпиталь, построенный изъ стараго дерева еще въ 1781 году, требовалъ большого ремонта; и вотъ Лобачевскій приходитъ ему на помощь и даритъ 30 руб. ассигнаціями[2]).

Въ 1821 году 30 мая въ с. Барановкѣ Лобачевскій написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ не забылъ и нашего шпиталя. Именно, въ пунктѣ 8 онъ завѣщалъ: „На богадѣльню въ м. Брусиловѣ заведенную, подъ вѣдомствомъ протоіерея Іоанна Самойловича состоящую, опредѣляю навсегда изъ моей долговой суммы, въ 5-омъ сего завѣщанія пунктѣ означенной, 3000 руб. ассигнаціями, которыя деньги завѣщаю отдать подъ вѣрное обезпеченіе за процентъ тому, кто пожелаетъ взять, съ тѣмъ, чтобы отъ сей суммы проценты платимы были ежегодно въ пользу бѣдныхъ больныхъ, въ той больницѣ находящихся, до существованія оной, а въ случаѣ бы упадка или несуществованія ея, то сумму сію обратить на другую богадѣльню или на другія богоугодныя дѣла на томъ же правѣ, какъ выше сказано“.

---

[1]) Въ описи безъ изъятія всего имущества Воскресенской церкви 1824 года записано, что въ 1811 г. Лобачевскій подарилъ ризу „плису чернаго и таковыя жъ епитрахиль, воздухъ, воздушки и поручи, все то обложено мишурнымъ бозоментомъ“.

[2]) 1812 г. 11 мая. Даритъ отставной прапорщикъ Ан. Ник. Лобачевскій на передѣлку шпиталя 30 руб. ассигнаціями.

Завѣщанная Лобачевскимъ сумма сперва была отдана помѣщику Радомысльскаго уѣзда генералъ-лейтенанту Золотницкому на проценты. Процентовъ собралось къ 1823 г. (за два года) 200 руб. ассигнаціями, но вышло какое-то замѣшательство и шпиталь денегъ не получалъ. Дошло дѣло до того, что настоятель Воскресенской церкви, въ вѣдѣніи котораго теперь находился шпиталь, вынужденъ былъ обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя 14 марта 1823 года. Въ концѣ-концовъ проценты стали исправно поступать и на нихъ содержался шпиталь, а завѣщанная Лобачевскимъ сумма была положена въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

Въ 1847 году, въ виду отсутствія настоятеля у церкви Воскресенской, завѣдываніе брусиловскимъ шпиталемъ временно перешло къ настоятелю Вознесенской церкви Василію Марковскому.

Въ 1850 г. въ Воскресенскую церковь былъ назначенъ настоятелемъ Платонъ Демченко. Ознакомившись съ дѣлами своего прихода, Демченко потребовалъ отъ священника Марковскаго передачи ему шпиталя, но послѣдній отъ этого отказался. Затѣялся споръ, а потомъ и судебный процессъ.

А между тѣмъ шпиталь пришель въ большую ветхость; къ тому же онъ не получалъ и процентовъ на завѣщанный Лобачевскимъ капиталъ. По заявленію священника Марковскаго, ему самому пришлось на свои средства болѣе трехъ лѣтъ содержать бѣдныхъ и изувѣченныхъ въ шпиталѣ, въ удостовѣреніе чего онъ получилъ и свидѣтельство отъ полиціи.

Марковскій возбудилъ вопросъ передъ Радомысльскимъ Духовнымъ Правленіемъ о разрѣшеніи ему перестроить шпиталь хозяйственнымъ способомъ. Просилъ онъ также выдать ему и собравшіеся проценты (227 р.) отъ капитала Лобачевскаго (капиталъ въ 3000 рублей ассигнаціями былъ обмѣненъ на билетъ въ 857 р. 14½ коп.). 31 августа 1850 г.

Марковскій, согласно прошенію, получилъ и разрѣшеніе на перестройку шпиталя, и проценты 227 р.

Марковскій задумалъ перенесть шпиталь даже въ другое мѣсто, въ свой приходъ, и владѣлецъ Брусилова гр. Викторъ Чацкій подарилъ для этого соотвѣтствующій кусокъ земли, на новомъ мѣстѣ, въ концѣ Брусилова, возлѣ еврейскаго кладбища.

Не дремалъ и священникъ Демченко,—онъ ревностно выступилъ на защиту правъ Воскресенской церкви на шпиталь, въ результатѣ чего Марковскому было предписано производить постройку совмѣстно со свящ. Демченко. Правда, Марковскій на этотъ приказъ не обратилъ никакого вниманія и началъ постройку шпиталя по своему усмотрѣнію.

Дѣло обострилось и грозило плохими послѣдствіями. Именно, въ виду того, что фактически въ Брусиловѣ шпиталя уже не было, Радомыслъское Духовное Правленіе возбудило вопросъ о передачѣ завѣщанной Лобачевскимъ суммы на иное дѣло,—на устройство въ г. Радомыслѣ или духовныхъ училищъ, или арестантской церкви. Къ счастью, правительство этого не разрѣшило.

„Въ дѣлѣ семъ болѣе виновенъ благочинный Клебановскій, неправильнымъ донесеніемъ консисторіи отъ 17 дек. 1849 г. давшій благовидное направленіе желаніямъ Марковскаго на причисленіе богадѣльни къ Вознесенской церкви, удостовѣреніемъ, что богадѣльня эта гораздо ближе къ церкви Вознесенской, нежели Воскресенской“[1]).

Споръ между двумя батюшками окончился торжествомъ справедливости,—въ дѣло вмѣшался Преосвященнѣйшій Викарій, узнавшій явно несправедливыя домоганія священника Марковскаго.

Въ концѣ концовъ Марковскій возвратилъ Демченкову издержанную имъ на постройку богадѣльни сумму, и 31 января 1853 года Демченкову было предписано приступить

[1])Изъ указа Радом. Дух. Правл. отъ 1853 г.

къ постройкѣ богадѣльни по присланному плану. А построенный Марковскимъ шпиталь (оконченъ не былъ) черезъ два года сгорѣлъ.

Демченковъ 13 февраля того же года обратился къ гр. Чацкому съ просьбой отвести кусокъ земли подъ новую богадѣльню и 25 марта онъ получилъ такую данную:

„Мѣстечка Брусилова церкви Воскресенія Христова священнику Платону Демченкову.

Въ слѣдствіе отношенія Вашего Преподобія, отъ 13-го февраля сего года за № 2 ко мнѣ послѣдовавшаго, я, на основаніи довѣренности, данной мнѣ Его Сіятельствомъ, графомъ Викторомъ Ѳаддевичемъ г. Чацкимъ, назначаю для постройки Богадѣльни при Брусиловской Воскресенской церкви мѣсто, сколько займетъ пространство дома богадѣльнаго, на Кіевской улицѣ, между домомъ мѣстной полиціи и пустопорожнимъ мѣстомъ, находящимся около церковнаго погоста. Мѣсто сіе будетъ считаться собственностію Богадѣльни до тѣхъ поръ, пока сіе богадѣльное заведеніе будетъ существовать въ м. Брусиловѣ; по уничтоженіи сего заведенія оно должно возвратиться въ собственность владѣльца м. Брусилова.

Данную сію утверждаю подписомъ и приложеніемъ экономической печати. 1853 года Марта 25 дня. Повѣренный Андрей Радзиминскій“.

Въ томъ же 1853 году шпиталь былъ построенъ.

Такъ благополучно разрѣшился долго тянувшійся споръ о владѣніи брусиловской богадѣльней.

Но этимъ не кончилась печальная исторія нашего шпиталя.

Въ 1859 году 6-го мая въ Брусиловѣ произошелъ громадный пожаръ, уничтожившій половину мѣстечка. Къ сожалѣнію, сгорѣла въ это время и недавно выстроенная богадѣльня...

Но не палъ духомъ священникъ Демченковъ,—онъ ревностно принялся за возстановленіе шпиталя, съ такимъ трудомъ отвоеваннаго имъ у свящ. Марковскаго. Въ томъ

же 1859 году іюля 18 дня экономія отвела новое мѣсто подъ постройку богадѣльни, въ разстояніи 20 саж. отъ церкви; кромѣ этого, помѣщикъ пожертвовалъ на постройку 10 деревьевъ. Старое же мѣсто, на которомъ стояла сгорѣвшая богадѣльня, поступило въ распоряженіе экономіи.

Дальнѣйшая судьба богадѣльни видна изъ слѣдующаго донесенія Платона Демченко въ Радомысльское Духовное Правленіе отъ 5-го августа 1859 года:

„Во исполненіе указа Радомысльскаго Духовнаго Правленія 12 іюля сего года за № 648 имѣю честь пояснить слѣдующее: Богодѣленныхъ денегъ имѣется теперь на лицо 50 руб. серебромъ. Кромѣ сего въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего года слѣдовать будетъ получить процентныхъ за 2 года изъ Приказа. Экономія пожертвовала на постройку дома 10 деревъ, а также есть надежда и на другія пожертвованія; съ такими средствами Богадѣльня можетъ быть вновь выстроена и окончена. Необходимость же дома Богадѣленнаго доказывается тѣмъ, что онъ былъ постоянно полонъ и даже еще нѣкоторымъ просившимся не было помѣщенія, а теперь когда почти половина крестьянскихъ домовъ выгорѣла и бѣдные, имѣвшіе пріютъ, лишились онаго черезъ пожары, то тѣмъ болѣе въ настоящее время она можетъ служить пріютомъ для самыхъ несчастнѣйшихъ. При чемъ имѣю увѣрить, что я приложу все стараніе, чтобы домъ былъ выстроенъ въ такомъ самомъ видѣ, а со временемъ при помощи Божіей сдѣланы будутъ и другія улучшенія“.

И кое какъ шпиталь былъ вновь отстроенъ на отведенномъ ему мѣстѣ, гдѣ онъ находится и по сіе время.

Въ 1867 году завѣщанный Лобачевскимъ богадѣльнѣ капиталъ былъ реализованъ на 4% Государственный непрерывно-доходный билетъ за № 12413 на сумму 858 руб.

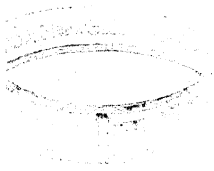
Богадѣльня содержалась теперь уже бѣдно: средствъ на содержаніе было мало, а желающихъ поступить въ нее всегда было много. Забыты были старые порядки Воскресенскаго братства, основавшаго шпиталь, когда сами шпи-

тальные принимали живое участіе въ содержаніи призрѣва емаго ихъ заведенія. Въ одной изъ записокъ настоятеля Воскресенской церкви, Стефана Гирича, завѣдывавшаго богадѣльней, подъ 1868 г. читаемъ, что богадѣльня опять требуетъ починки: въ богадѣльнѣ нѣтъ оконъ, призрѣваемые простуживаются „и тѣмъ прекращаютъ жизнь свою, вмѣсто того, чтобы въ богоугодномъ заведеніи сохранять ее"...

Такова исторія Брусиловскаго братскаго шпиталя, существующаго, очевидно, уже болѣе 200 лѣтъ. Въ настоящее время онъ помѣщается возлѣ церкви, по Синельниковской улицѣ № 59. Средствъ на его содержаніе мало—почти исключительно проценты отъ капитала Лобачевскаго. И дѣйствуетъ онъ вяло, такъ какъ не въ состояніи содержать призрѣваемыхъ,—онъ даетъ только одно помѣщеніе.

Августъ 1913 г.
м. Брусиловъ.

И. И. Огіенко.

Труды И. И. Огіенко.

1. Изданія „Ключа разумѣнія“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го в. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ за 1910 г., кн. 2-я.

2. Изданія „Небо Новаго“ Іоанникія Галятовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Съ 17-ю снимками. „Искусство, живопись, графика“ за 1912 г., кн. 11-я.

3. Отраженіе въ литературѣ „Небо Новаго“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка. „Филологическія записки“ въ Воронежѣ, за 1911—1912 г.г.

4. Стихотворныя упражненія І. Галятовскаго. „Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи въ С.-Петербургъ“, занятія И. И. Огіенко. Изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1912 г., Кіевъ.

5. Легендарно-апокрифическій элементъ въ „Неби Новомъ“ І. Галятовскаго. „Чтенія въ историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“ за 1913 г.

6. Проповѣди Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка. Т. XIX Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго О-ва въ память проф. Е. К. Рѣдина.

7. Отголоски современности въ Ключѣ Разумѣнія“ І Галятовскаго. „Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1914 г.

8. „Наука албо способъ зложеня казаній“ І. Галятовскаго. „Епархіальныя Извѣстія“, Кіевъ, 1914 г.

9. „Руно орошенное“ св. Димитрія Ростовскаго. „Отчетъ объ экскурсіи въ Москву“, „Университетскія Извѣстія“ за 1912 г., Кіевъ.

10. Содержаніе чудесъ „Звѣзды Пресвѣтлой". „Отчетъ объ экскурсіи въ С.-Петербургъ", „Университетскія извѣстія" за 1912 г., Кіевъ.

11. Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ. „Русск. Фил. Вѣстн." за 1911 г., кн. 3-я и 4-я.

12. Правильность и чистота русской рѣчи. Замѣтки по стилистикѣ русской рѣчи. „Филологическія записки" за 1912 г.

13. Брусиловское церковное братство и его культурная дѣятельность. „Лѣтопись Екатеринославской Архивной Коммиссіи" за 1914 г., т. IX.

14. Мѣстечко Брусилово и его окрестности. Историческій очеркъ. „Радомыслянинъ" за 1913 г.

15. Исторія брусиловскаго костела и бывшаго при немъ капуцинскаго монастыря. Кіевъ, 1914 г.

16. Воскресенская брусиловская замковая церковь. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1914 г.

17. Брусиловская братская школа. Историческій очеркъ. „Радомыслянинъ" за 1914 г.

18. Огляд українського языкознавства. Львів, 1908.

19. Українська граматична література. Розгляд підручників, по яких можна вчитись і вчити вкраінськоі мови. Киів, 1908.

20. Українська граматична термінологія та історичний словник грамотичноі термінологіі. Киів, 1909.

21. Як селяне пишуть і читають по вкраінському. Матеріали до українського правопису. Киів, 1909.

22. Двійне число в українській мові. Філологічна студія. Киів, 1910.

23. Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи. Изд. 3-е, значительно дополненное и совершенно переработанное. 1914 г.

24. Словарь удареній въ русскомъ языкѣ и правила русскаго ударенія. 1914 г., изд. 2-е.

25. Объ ударенiи въ географическихъ именахъ. Кiевъ, 1912 г.

26. Объ ударенiи въ собственныхъ именахъ историческихъ лицъ, писателей, дѣятелей и т. п. Кiевъ, 1912 г.

27. Словарь общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, со статьями: 1) исторiя проникновенiя иностранныхъ словъ въ русскiй языкъ; 2) объ ударенiи въ иностранныхъ словахъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ и 3) родъ иностранныхъ именъ существительныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. 1912 г.

28. Гдѣ писать два *н*, а гдѣ одно. 1913 г.

29. Русское литературное произношенiе 1914 г.

30. Замѣтки по стилистич. грамматикѣ рус. яз. 1914 г.

31. Иноземные элементы въ русскомъ языкѣ. 1914 г.

32. Наглядная таблица для изученiя и повторенiя прицаточныхъ предложенiй. Пособiе для экзаменовъ. Изд. 3-е.